

Мастера ужасов

18+

Брайан Ходж

НЕПОРОЧНАЯ ПУСТОТА
СОСКАЛЬЗЫВАЯ В НЕБЫТИЕ

Мастера ужасов

Брайан Ходж

**Непорочная пустота.
Соскальзывая в небытие**

«Издательство АСТ»

2018, 2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Ходж Б.

Непорочная пустота. Соскальзывая в небытие / Б. Ходж —
«Издательство АСТ», 2018, 2019 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-144703-8

«Непорочная пустота»: Когда Дафне было шесть лет, на нее напал маньяк. Девочка выжила, но психологически так до конца и не оправилась. Уже взрослая, она в очередной раз исчезает, в этом нет ничего нового, но ее брат Таннер отправляется на поиски сестры и вскоре сталкивается с подлинным ужасом. Ни Таннер, ни Дафна не подозревают, что им придется иметь дело с убийцами, которые действуют, подчиняясь воле сущностей, что живут за гранью времен. Ведь в этом мире все взаимосвязано, например, пропажи людей и странная судьба, постигшая один из спутников Юпитера. И теперь знаки, что преодолели световые годы, говорят о том, что в космосе существует нечто, чего боятся даже боги. «Соскальзывая в небытие»: Каждый человек живет во множестве миров. Но всем им когда-нибудь придет конец. Здесь прекрасный зимний денек оборачивается ужасом, когда жители маленького городка понимают, что снег будет идти вечно. Жители Инсмута, уцелевшие после рейда 1929 года и дожившие до наших дней, как-то связаны с новой аномалией в океане. Люди встречаются с настоящими демонами, которые оказываются куда страшнее любых человеческих фантазий, а мрачные города скрывают тайны, чье происхождение уходит в глубь веков. Здесь обыденность соседствует с космическими безднами, а потусторонние силы искажают реальность.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-144703-8

© Ходж Б., 2018, 2019

© Издательство АСТ, 2018, 2019

Содержание

Непорочная пустота	7
Промежуточная фаза	8
Первая фаза	11
Вторая фаза	20
Третья фаза	38
Четвертая фаза	56
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Брайан Ходж
Непорочная пустота
Соскальзывая в небытие
Сборник

Brian Hodge
Immaculate Void
Skidding Into Oblivion

* * *

Печатается с разрешения автора и литературных агентств BAROR INTERNATIONAL, INC. in association with Howard Morhaim Literary Agency, и Nova Littera SIA.

The Immaculate Void © 2018 by Brian Hodge
Skidding Into Oblivion © 2019 by Brian Hodge
© Роман Демидов, перевод, 2023
© Александра Голова, перевод, 2023
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Непорочная пустота

Роман

*В начале не было
ни берега моря,
ни волн студеных,
ни тверди снизу,
ни неба сверху,
ни трав зеленых —
только бездна зевала.*

Прорицание Вёльвы¹

¹ Перевод В. Г. Тихомирова.

Промежуточная фаза

*Человек сказал Вселенной:
– Смотри! Я существую!
– Да, – ответила Вселенная, —
Но сей факт еще не означает,
Что я должна о тебе заботиться.*

Стивен Крейн²

Священные книги всегда ошибались.

Если бы человечество захотело поблагодарить тех, кто этого действительно заслуживает, для начала нам пришлось бы разбить наших идолов, выбросить к чертям все эти унылые молитвенники и переделать церкви во что-нибудь полезное – скажем, в бордели и приюты для бездомных.

«Нахер все это, – сказала бы человечество. – Отныне я болею за гигантов».

Молитвы газовым гигантам остались бы неслышанными точно так же, как и любые другие – все эти просьбы о тачдаунах и избавлении от рака, – но, по крайней мере, они были бы направлены по адресу. Особенно молитвы Юпитеру. Мы протянули столько времени исключительно потому, что Юпитер был к нам благосклонен. Хоть этот здоровенный полосатый газовый шар и носит имя бога, которого римляне придумали всего три тысячи лет назад, он начал защищать нас намного, намного раньше, еще до того, как первые многоклеточные организмы принялись барахтаться в бульоне первобытных морей Земли.

Какой-то астроном, который никогда не получит заслуженного признания за свое остроумие, назвал Юпитер космическим пылесосом. Он и правда занят ровно тем же, для чего люди держат дома пылесосы, только в космических масштабах: притяжение его настолько мощное, что Юпитер охраняет внутреннюю область Солнечной системы, поглощая кометы и астероиды-тяжеловесы, которые, миновав его, раз за разом могли бы отбрасывать жизнь назад в болото, стоило ей выползти на сушу.

По большей части. Парочка все же смогла проскочить мимо Юпитера и навести шороху. Все, кому случалось отправляться на охоту за динозаврами, знают, что эта система не идеальна. И еще что-то в свое время явно с огромной силой впаялось в Марс. Но в целом нам пока что везло.

Вот почему мне казалось логичным, что если появится какое-то отклонение от нормы, то первые очевидные признаки этого продемонстрирует Юпитер. В истории часто случалось так, что предвестия беды сначала возникали на окраинах, прежде чем добраться до столицы.

Кто бы мог подумать, что события, разделенные множеством лет и происходившие в точках Солнечной системы, между которыми сотни миллионов миль, могут иметь друг к другу какое-то отношение. Кто бы мог подумать, что серийные убийства детей – и та единственная девочка, которая спаслась, – как-то связаны со странной судьбой, постигшей одну из лун Юпитера.

Но это так. Они взаимосвязаны. Все на свете взаимосвязано.

И когда начинает рушиться что-то одно – рушится сразу все.

Вот как это должно происходить: когда комета Шумейкеров – Леви 9 распалась на куски и устроила бомбардировку южного полушария Юпитера, мы в первый раз смогли в прямом эфире увидеть, как он исполняет роль нашего защитника, принимая удар на себя. Мы впервые стали свидетелями подобного события – столкновения двух небесных тел. Когда я была

² Перевод А. Кудрявицкого.

маленькой, мне говорили, что движение космических сфер – мирный механический процесс... но это было всего лишь очередное вранье. Вранье вселенских масштабов.

Конечно, тогда я этого не понимала. Падение кометы Шумейкеров – Леви случилось летом 1994 года, а мне тогда было всего пять лет. Когда тебе пять, Комета – это олень Санта-Клауса.

До момента, когда я оказалась в неправильном сарае, оставалось еще целое лето.

А вот как это *не должно* происходить: что бы ни врезалось в Юпитер шестнадцать лет спустя, третьего июня 2010 года, никто не заметил этой штуки заранее. Может, это была еще одна комета, а может, астероид. Оно распалось, встретившись с облаками в самой-самой верхней части атмосферы Юпитера, и взрыв получился такой яркий, что его можно было увидеть в телескопы на чердаках и задних дворах. И настолько неожиданный, что на всей Земле его засняли только два человека, оба – астрономы-любители: один – филиппинец, второй – австралиец.

А дальше – ничего. Не случилось второго акта для припозднившихся зрителей, которые навели свои объективы на Юпитер, чтобы понаблюдать за облаком фрагментов. *Не было* никакого облака фрагментов.

А должно было быть. Раньше всегда были. Их называют синяками – это мелкая взвесь химически разрушенных газов и поджаренной пыли, вихрящаяся среди облачных поясов. После Шумейкеров – Леви 9 Юпитер был весь в синяках, точно боксер, которого избивали двенадцать раундов подряд.

А в этот раз? *Nada*.

– Юпитер как будто проглотил эту штуку целиком, – сказал австралийский астроном.

Но от аномалий легко отмахнуться. И поэтому в прошлом году, когда комета Эррингтона – Уолтерса стала новейшей жертвой приливных сил Юпитера и распалась на подлете к нему, словно ядро, разлетевшееся облаком шрапнели, астрономы всей планеты вернулись к ожиданиям уровня Шумейкеров – Леви: «Отлично, вот и еще одна. Может, в этот раз шоу окажется даже круче. Не зря же мы двадцать лет совершенствовали телескопы».

Только все прошло не так, как ожидалось. Вместо этого осколки атаковали Европу.

Это не беспрецедентный случай. Юпитер – алчный собиратель лун. У него их шестьдесят семь – было – и порой они встают на пути того, что попало в силки его притяжения. Но основных спутников Юпитера, крупных настолько, чтобы их впервые мог заметить Галилей, всего четыре. Как и все мы, выжившие, они покрыты шрамами. Ганимед щеголяет тремя рядами кратеров, похожих на цепочку следов от пуль, выпущенных истребителем размером с гору. У бедняжки Каллисто таких рядов тринадцать.

Но то, что удар пришелся на Европу, было особенно печально. Она же была не простым шаром из камня и металла, как все прочие. Она была шаром из камня и металла, окруженным толстой ледяной коркой, под которой скрывалась жидкая вода. Мир океана. Если мы и могли найти жизнь еще хоть где-нибудь в Солнечной системе, то это было идеальное место для поисков. Мы даже о собственных океанах знаем далеко не все – только представьте, что могло ожидать нас в глубинах этого.

Поэтому тоскливо было смотреть, как серия столкновений раскалывает лед, вздымая колоссальные плюмажи выбросов и пара, и гадать, какая часть самого первозданного из знакомых нам океанов сейчас кипит. Возможно, прямо перед телескопическими глазами людей только что испарились наши ближайшие соседи, с которыми мы еще не успели познакомиться, будь они даже микробами или космическими кальмарами.

Ничего хорошего от комет не жди – так думали наши предки. Кометы пророчили болезни, и голод, и смерть, и войну. Они были предвестницами катастроф, знаками того, что боги разгневаны. Такое ни капельки не поднимает моральный дух.

Об этом, разумеется, вспоминали в недели, последовавшие за тем, как комета Эррингтона – Уолтерса завершила свой путь длиной в миллиарды лет, когда по причинам, которые никто так и не смог объяснить, Европа вдруг уменьшилась и исчезла.

Она не сошла с орбиты. И не разлетелась на мелкие кусочки. От нее не осталось даже облака фрагментов – знакомо звучит? Европа просто начала сдуваться, как воздушный шарик, из которого медленно выходит воздух.

«Европа как будто проглотила себя целиком», – так мог бы сказать какой-нибудь австралийский астроном.

Большинству людей было на это плевать. Большинство людей этого даже не заметило. Большинство людей никогда не слышало о Европе. Большинство людей хорошо если о Юпитере-то слышало. Потому что большинство людей и представить себе не способно, насколько они на самом деле слепы, глухи и глупы, и не желает ничего менять в своей жизни.

Но если вы знали, какие каналы смотреть, то могли следить за обескураженными комментариями.

Мне было жалко Нила Деграсса Тайсона, Митио Каку и всех прочих говорящих голов. У них ведь должны были найтись ответы. Они вроде как были теми парнями, которые объясняют, что происходит в космосе. А у них в лучшем случае получалось притворяться рассудительными и очаровательно пристыженными, когда они старались выставить эту загадку возможностью извлечь новые знания из события, подобных которому раньше не наблюдалось. Хотя на самом деле они всячески пытались уклониться от того, чтобы открытым текстом признаться: «Не, ребята, простите, мы понятия не имеем, что там за хуйня стряслась».

Да к тому же им еще и приходилось терпеть все эти дурацкие шутейки про гнев богов.

А дело было не в этом. Совершенно точно не в этом.

Есть вещи, которых до усрачки боятся даже боги.

Первая фаза

Религиозный миф – одно из величайших и значительнейших созданий человечества, которое, хотя и обманчивыми символами, однако все же дает человеку уверенность и силу, чтобы противостоять чудовищу, которым является мир в целом, и не быть им раздавленным.
Карл Юнг³

Прошло уже почти два дня с момента исчезновения Дафны, но Таннер узнал об этом, лишь когда ему позвонило очередное звено в ее бесконечной цепочке неудачников.

– Она у вас? – спросил этот мужик. – Я не против того, чтобы у нее были свои дела, но за квартиру-то нам надо платить вовремя. Я ей звонил, но каждый раз попадал на автоответчик.

Очередное звено звали Вал. Вал Мэдиган, полное имя – Вальмон; а еще, как будто одного этого было недостаточно, чтобы его возненавидеть, он оказался бывшим менеджером по продажам, который, после того как его вышвырнули из какой-то технологической компании, приземлился на ноги и заделался тренером личностного роста. Это не считая брака, якобы подошедшего к концу несколько месяцев назад, но до сих пор официально не расторгнутого. И не считая запрета на приближение к другой бывшей.

В этом была вся Дафна. Обычные неудачники ей негодились. Алкоголики, продавцы травки, выкуривавшие собственный товар, или хронически безработные очаровашки, сочившиеся обожанием к любой женщине, из которой могли выдавить денег на следующий месяц, – все они были не в ее стиле. Дафна выбирала своих неудачников умело. Возможно, их недостатки проявлялись не сразу, но уж когда проявлялись – то во всей красе.

Вал с Дафной снимали на двоих 1800 квадратных футов полуторашажной пригородной безликости в Брумфилде, что к северо-западу от Денвера, где Таннер и застал его на следующее утро после звонка. Ясный сентябрьский понедельник, для него – выходной. «Ну естественно, тебя зовут Вал», – чуть не ляпнул он мужику, открывшему дверь. Не потому, что никем другим тот оказаться не мог; скорее потому, что он и выглядел как натуральный Вал – на пятнадцать лет старше Дафны, кожа потихоньку делается дубленой и жесткой, а песочные волосы резко отличаются цветом от бровей и филированных бакенбард, закрывающих половину ушей.

– Я вас не ждал, – заявил Вал. – Вы хотите зайти?

– Я не могу отсюда осмотреть ее вещи.

– Вы пришли осмотреть ее вещи? Зачем?

– Затем, что так делают братья, у которых пропадают младшие сестры.

– А я разве сказал, что она пропала? Нет, прошу прощения, если создал у вас неверное впечатление. Она не пропала... просто ушла в неудобный момент, и я подумал, что она, возможно, у вас.

Таннер кивнул. Как будто ему интересны объяснения этого типа.

– Сколько ты с ней знаком?

Вал начал считать; он старался этого не показывать, но пальцы на его руке подергивались.

– Семь месяцев, – ответил он. И поспешно добавил: – С половиной.

– Ух как долго. Тогда давай-ка оба признаем, что я ее привычки знаю лучше, чем ты. –

Таннер подался в сторону и заглянул за плечо Вала. – Так ты меняпустишь?

Дом был опрятным и чистым, светлым и скудно обставленным. Дафна терпеть не могла жить в бардаке, и, похоже, ни она, ни Вал не привезли в совместное жилье большого количества мебели.

³ Перевод В. Зеленского.

– Дафна любит, чтобы у нее была своя комната, – сказал Таннер. – Где она?

Вал указал на лестницу, которая вела на цокольный этаж, в прямоугольную комнату; в такой большая семья поставила бы телевизор для детей, но здесь была лишь беговая дорожка да рамки с мотивирующими лозунгами на стенах. Слева от лестницы простаивала без жильца другая комната, маленькая и квадратная.

Она принадлежала Дафне. Не важно, в какую постель она ложилась по ночам, – Дафна все равно вытребовала бы ее себе, как ребенок, забивающий верхнюю койку в лагере. Комната была нужна ей не для сна. Ей нравилась возможность почувствовать себя в безопасности. Три замка с внутренней стороны двери выглядели новыми – их вполне могли установить за прошедшие семь месяцев. С половиной.

До этого Вал таскался следом за Таннером, но в нескольких шагах от двери остановился. Дафна хорошо его выдрессировала. «Мое пространство. Мое. Тебе сюда вход закрыт».

Напротив двери, прижавшись одним боком к стене, стоял письменный стол, лучшие годы которого прошли в каком-нибудь офисе. Ту его сторону, что у стены, занимал принтер Epson, ни к чему не подключенный. Таннер нашел несколько перекидных блокнотов; половину страниц из них выдрали, оставив только чистые. В одном из ящиков гремели отверженные телефоны и аксессуары к ним. По каким-то известным лишь ей причинам Дафна постоянно их меняла. Новые телефоны, новые номера, другие операторы. Так было не всегда, лишь в последние три года.

Таннер, как мог, убедился, что проблема не в сталкере. Он знал, как это бывает. Шрамы от ран остаются навечно. Хищники их замечают. Неважно, сколько сил потрачено на борьбу с травмой, неважно, как далеко зашло исцеление. Есть люди, всегда способные найти, за что зацепиться, – ту самую каплю крови в океане, которую акулы чувят за пять миль.

«Нет у меня никаких сталкеров, я просто люблю оставаться подвижной мишенью, – настаивала Дафна, посмеиваясь. – Но все равно, спасибо, что готов надавать им по яйцам».

Шрамы от ран остаются навечно – кто знает, может, именно этим Дафна и привлекла того типа, что мялся сейчас за дверью. Возможно, он даже хотел ей добра, воображал себя целителем. Но худший вред зачастую наносят именно бездарности, желающие добра. Таннер так часто был этому свидетелем в горах, что уже сбился со счета.

На стене у стола висела пара пробковых досок, утыканных кнопками, но в остальном пустых. Интересно. Ей нужно было прикалывать так много бумаг, что она завела вторую доску. Но теперь они опустели. Из-за этого у него на душе скребли кошки. Каждое место, где она жила, выглядело обиталищем женщины, точно знавшей, что она здесь ненадолго.

– Что она вешала на эти доски?

– Распечатки в основном. – Вал указал на принтер. – Она лазала по Сети и искала всякие новости. Ей нравилось их распечатывать, чтобы можно было перечитывать когда угодно. Она очень интересовалась той прошлогодней историей с Юпитером. И другой, которая зимой была, с Альфой Центавра, что ли? В целом-то она, похоже, астрономией не увлекалась, только этими случаями. – Он непонимающе пожал плечами. – Я пытался ей на день рождения телескоп подарить. Она сдала его в магазин нераспакованным.

Таннер тоже не помнил, чтобы Дафна уделяла особенное внимание ночному небу, если не считать случаев, когда они, лежа на спине, пялились на звезды – в те дни, когда это служило фоном для философских разговоров, курения травки или и того, и другого.

– Почему? Она не сказала?

– После того как я заставил ее посмотреть в лицо своим негативным ассоциациям – сказала. – Вал, похоже, гордился этим, как будто добился серьезного прорыва. – Она сказала, что не хочет увидеть то, что там скрывается.

– И что это значит?

– А это не должно что-то значить. Люди говорят самые разные глупости, лишь бы прервать разговор, который им не нравится.

Было очень похоже, что у Вала в таких делах большой опыт. Таннер снова посмотрел на доски.

– А еще что-нибудь на них было?

– Несколько статей об убийствах. Нераскрытых, кажется. И еще кое-что про... Я не знаю даже, как это назвать. Обратный эко-терроризм, что ли? Когда уничтожают природные объекты вместо того, что вредит экологии. Подробнее сказать не могу, я сужу только по заголовкам. Обсуждать это она не хотела. Очевидной связи между статьями не было, уж не знаю, что они для нее значили. Мне казалось, что с учетом всего произошедшего это не самые здоровые интересы. Но мое мнение и опыт в этом случае в расчет не принимались.

«Здоровые, – сказал он. – С учетом всего произошедшего». Ну да, Вал явно знал об Уэйде Шейверсе. По крайней мере столько, сколько Дафна готова была ему открыть. Он не смог устоять перед тем, чтобы научить жить неприкаянную высокую блондинку с призраками в синих, как лед, глазах и отметиной на щеке, достаточно заметной, чтобы стать причиной комплексов.

– Знаете... если подумать... она могла вернуться к парню, с которым встречалась до того, как мы познакомились. – На лице у Вала было хитрое выражение, типичное для людей, которые изо всех сил притворяются, будто им в голову вот только что пришла идея. – Аттиле?.. Вы знаете про Аттилу?

Таннер ненавидел, когда его заставляли врасплох, но притворяться не собирался.

– Дафна, должно быть, забыла о нем упомянуть. – Уворот, выпад: – Их ведь было так много, знаешь ли.

Однако – Аттила. Она связалась с кем-то по имени Аттила. Таннер готов был поставить десять баксов на то, что к этому Вал с самого начала и вел. Он устроил и сыграл этот спектакль, как человек с ученой степенью по хитрожопости. Он *знал*, что Таннер приедет. Нужно было всего лишь рассыпать нужные крошки, позволить ему заглотить наживку. «А вас не сильно затруднит проверить, не вернулась ли она к Аттиле? Я бы и сам это сделал, да только врожденная трусость опять воспалилась, зараза».

– В субботу я случайно услышал, как она договаривалась о какой-то встрече по телефону, – продолжал между тем Вал. – Я подумал, что это как-то связано с ее занятиями йогой. Знаете, в последние несколько месяцев Дафна ею серьезно увлеклась. Я думал, что это здоровый интерес. Но теперь, вспоминая об этом – задним умом-то все крепки, – я не уверен, что звонок был как-то с этим связан. Можно было догадаться по ее тону.

– А что с ним было не так?

– Он был... – Вал притворился, будто подыскивает нужное слово. – Сожалеющим. Она словно о чем-то сожалела.

Если Дафна в чем и разбиралась, так это в сожалениях. Она их собирала, будто коллекционные карточки. Так уж она была устроена. Нет – *переустроена*.

– А Аттила, судя по имени, не из тех, кто увлекается йогой, верно?

– Он плохо влиял на нее тогда. И будет плохо влиять сейчас. У него, судя по всему, довольно... странные идеи.

– О чем?

– О господи. Обо всем.

У стола Дафны, на полу, стояла маленькая плетеная корзина для мусора. Таннер поставил ее на стол и вывалил внутрь оставленные Дафной телефоны и зарядки. Обхватил корзину рукой, прижал к боку и направился к двери.

– Прошу прощения? – окликнул его Вал. – Чужие вещи нельзя забирать, знаете ли.

Странное возражение, с учетом обстоятельств. Впрочем, Вал и сам был странным и становился все страннее. В последние несколько мгновений глаза его сделались стеклянными, а лицо – недоуменным, как будто он сам не знал, что говорил. Или не знал, чего на самом деле хочет добиться.

Таннер протолкнулся мимо него.

– А как еще, по-твоему, я смогу найти Аттилу?

Вал вместе с ним миновал беговую дорожку. На лестнице он похлопал Таннера по плечу.

– Мне неудобно об этом спрашивать, но... э-э... вы, случайно, не захватили чек на ее половину квартплаты?

Таннер сделал это, еще не осознав, что собирается. Он развернулся вполборота, внезапно и резко, и вогнал кулак в живот Вала с такой силой, что тот согнулся пополам и отшатнулся на ступеньку, а потом, задыхаясь, повалился на пол. Даже если бы Таннер упражнялся в этом приеме, он не смог бы произвести большего эффекта. Горы закаляют человека, закаляют его кости и жилы. Делают его крепким, как изогнутые ветром сосны, которые цепко держатся за склоны и переносят любые испытания стихиями. Все это и ощутил на себе Вал.

Таннер не знал, почему это сделал. Возможно, из-за руки – этой самонадеянной руки на своем плече, почему-то вызвавшей омерзение. Руки, которая лапала его сестру, руки, которую Дафна никогда бы к себе не подпустила, если бы выросла такой, какой должна была вырасти.

За этим ударом стояли двадцать с лишним лет чувства вины. Таннер всего-то и должен был, как его просили, не спускать с нее глаз в тот день, вместо того чтобы поддаться на уговоры жившего через два дома соседа и пойти к нему играть в приставку от Nintendo. Сначала он колебался, но логика мальчишки была убедительна.

«Она на качелях сидит. Качаться она и сама умеет. Ничего с ней там не случится».

Наполовину свернувшийся в позе эмбриона, наполовину обмякший Вал таращился на него с пола, озадаченный, и обиженный, и разочарованный.

– Вы же... должны *помогать* людям, – выдохнул он.

Верно. Он должен был это делать. И всегда делал. Даже когда люди по глупости сами навлекали на себя беду. Забирались туда, куда не стоило, или отмахивались от мыслей о надежном снаряжении, или делали все правильно до тех пор, пока им в голову не взбрела та дурацкая идея, из-за которой они и влипали в передрагу. Все это не имело значения. Ты находил их, когда они терялись, извлекал их из ловушек, когда они туда попадали. Ты накладывал им шины и перевязывал их раны, поил их и согревал, и держал свое осуждение при себе, эвакуируя их с горы или из каньона. Спасение – значит, спасение. Верно, черт подери, он должен был помогать людям.

– Прости, – сказал Таннер. – Мне очень жаль.

Он протянул руку, чтобы помочь Валу подняться, и снова ощутил его – то самое омерзение, причину которого не мог уловить. Всего лишь пальцы и ладонь – у Вала они были такие же, как у самого Таннера. Однако от чего-то в этом прикосновении у него внутри все переворачивалось.

Ему случалось дотрагиваться до мертвецов – когда поиски приводили к погибшим и спасение оборачивалось вывозом трупа, – и они были совсем другими. Их руки становились из одушевленной материи материей бездушной. Энергия прекращала свой поток, когда рвалась доставляющая ее пуповина. Что звучало суеверно с точки зрения тех, кто этого никогда не ощущал.

С Валом ситуация была очень похожая, только хуже. Это было прикосновение не смерти и даже не разложения, а чего-то большего, чего-то, казавшегося чуждым самой жизни, желавшего разрушать и поглощать, потому что такова была его природа. Таннер как будто взялся за что-то, распавшееся в его хватке на куски, которые пытались воссоединиться, взобраться по его руке и заразить ее, словно гангрена.

Глаза Вала были расфокусированы и пусты, они больше не видели Таннера или, по крайней мере, не воспринимали его. Вал извивался и копошился на полу, словно не до конца контролировал свои конечности. Но он знал, что такое мусорная корзина, и она, похоже, была для него важна. Он потянулся к ней с координацией человека, впервые в жизни бросающего лассо. Ухватился пальцами за край, выхватил корзину у отшатнувшегося Таннера, и телефоны высыпались на пол.

Вал повалился вперед, будто червь, который попытался встать и не преуспел, уцепил шарящими пальцами ближайший телефон и запихнул его в рот, так далеко, как только смог. Подхватил второй и с его помощью затолкал первый еще глубже, втиснул оба в глотку так, что горло у него раздулось, как у лягушки-быка. Он подавился – непроизвольная реакция, – но это не помешало ему поднять третий телефон.

Таннер увидел уже достаточно и преодолел шок, хоть и не понимал, что происходит. Он выбил третий телефон из рук Вала и отшвырнул остальные ногой. Вал покачнулся, сбитый с толку, потом сориентировался и нацелился на ближайший, словно ведомый какой-то комбинацией нюха и зрения.

В стрессовой ситуации полагайся на подготовку – этим кредо руководствовались спасатели всего мира, чтобы оставаться сосредоточенными и делать свою работу. Но к некоторым вещам подготовиться невозможно. Никто никогда их не предусматривал. Таннер стыдился того, что позволил отвращению завладеть собой. Стыдился того, что отскочил в сторону и ударил Вала коленом в челюсть, не зная, как еще поступить.

Вал не шевелился, просто лежал на боку, и второй телефон торчал у него между губ, точно серебристый язык. Больше всего Таннер стыдился своего желания уйти, оставить все на волю судьбы. В жизни Дафны и без этого психа хватало сумасшествия.

Ах да. Он же должен помогать людям.

Даже таким, которые кажутся чем-то иным, надевшим человеческую кожу.

* * *

Уделим секундочку тому, чтобы пожалеть красного карлика. Он заслуживал лучшей участи, бедняжка. Но разве кому-то есть дело до того, кто и чего заслуживал?

Пропавшие луны – это одно, особенно те, что окружают наших сторожей – газовых гигантов. Что вы там сказали – Европа пропала? Что ж, Юпитеру есть чем утешиться – у него еще шестьдесят шесть спутников осталось.

А вот когда начинают гаснуть звезды, на это обращают внимание все. Кто угодно может увидеть это невооруженным глазом, если знает, куда смотреть. Вы можете *разглядеть* в ночном небе свежую дыру в форме звезды, новую черную пустоту, которая сливается с прежней, делая ничто немного больше.

Они, разумеется, гаснут постоянно. Где-то там. Мы это знаем. Посмотрите на ночное небо достаточное количество раз с достаточным количеством людей, и гарантирую вам – кто-нибудь, убежденный, что говорит вам об этом первым, скажет, что свет, который мы видим сейчас, покинул свой источник тысячи, миллион или даже миллиард лет назад.

Благонамеренные ботаники на этом и останавливаются. Беспардонные мудаки добавляют, что поэтому нет никакого смысла загадывать желания, глядя на звезду. Мы видим лишь свет. Сама звезда давно мертва. Прямо как твои мечты, неудачник.

Но когда это случилось с системой Альфа Центавра, мы не смогли просто так отмахнуться. Это ведь – с галактической точки зрения – были наши ближайшие соседки, отделенные от нас всего-то жалкими 4,37 световыми годами: две звезды, расположенные так близко, что казались одной.

Они были там, когда рождалось наше собственное солнце. Они наблюдали за нами все это время. Когда некая тварь с плавниками, похожая на илистого прыгуна, впервые выползла из моря – они были там. Когда первые прямоходящие обезьяны остановились, чтобы с восторгом взглянуть на то, что находилось за пределами древесных крон, – они были там. Когда первый человек, отшлифовавший стеклянные линзы, навел их на звезды и обнаружил, что третья по яркости среди них – на самом деле не одна звезда, а две, они улыбнулись в ответ и сказали: «Неплохо... вы раскрыли наш секрет. Посмотрим, на что вы еще способны».

На протяжении всей нашей истории они висели там, наверху, словно обетованная земля для какой-то лучшей, более совершенной версии человечества. Ждали, когда мы воплотим свой потенциал. Как только мы научились бы путешествовать между звезд – эта парочка стала бы первой остановкой. А если бы вокруг одной из них обращалась пригодная для обитания планета – эй, да это же целых два новых солнышка, под которыми можно нежиться. Даже три, если считать их тусклого младшего брата-заморыша, болтавшегося поодаль.

А потом, словно договорившиеся о самоубийстве близнецы, они погибли одновременно. Первый тревожный сигнал поступил, когда свет Альфы Центавра А за четыре месяца снизился на ошеломительный двадцать один процент. После этого конец стал приближаться со всей стремительностью огромных вращающихся тел, что разрывают друг друга на части силами своего притяжения: Альфа Центавра В устремилась к своей сестре и вместе с ней забилась в агонии, погасла и умерла.

А Проксима Центавра, красный карлик, увязавшийся за ними тусклый младший братец, слишком далекий, чтобы катаклизм погубил и его, остался один-одинешенек в небесах.

Они были нашими ближайшими соседками, появившимися прежде нас, а потом исчезли, оставив людей еще более одинокими во тьме.

Но это все было посмертное шоу. Световые годы, помните?

Их не было уже почти четыре года к тому времени, как мы что-то заподозрили. Мы могли только смотреть, как это происходит, зная, что вглядываемся в бездну прошлого, которое не можем изменить, прозревая будущее, казавшееся уже не таким незыблемым, как раньше.

Но боги заметили.

Они, должно быть, поняли, что происходит, задолго до нас. Боги запаниковали и стали действовать в собственных интересах единственным доступным им методом – с помощью людей, – точно зная, что скорость света была нашей главной и неистребимой слабостью.

Это Аттила впервые заставил меня посмотреть вверх и вовне. Исчезновение Европы означало для него что-то *важное*, я просто не знала, что именно. К тому времени, как погибла Альфа Центавра, я переехала к Валу, который подумал: хм-м, очень интересно – а не улучшит ли телескоп твое самоощущение?

Спасибо, нет. Твердь над нашими головами – обман.

То, что мы видим, – это минувшее, коллаж самых разных временных зон, и Вселенная вокруг нас меняется раньше, чем мы об этом узнаем.

* * *

Первым делом Таннер вытащил у Вала изо рта телефон – второй, который тот схватил и попытался запихать себе в глотку. Первый пропал, каким-то образом оказался проглочен целиком, и, оттянув челюсть Вала вниз, чтобы заглянуть ему в горло, Таннер ничего не увидел. Залезать пальцами глубже в поисках телефона он не собирался. Тот удар коленом в челюсть не вырубил Вала полностью, просто оглушил. Если бы он решил укусить Таннера – он бы его укусил.

Таннер ощупал шею Вала в поисках чужеродного предмета, но так его и не нашел. Судя по всему, он проскочил глубже. Телефон. Прямоугольная затычка в круглом отверстии, загло-

ченная так, как змея заглатывает мышь. Врачи скорой помощи, может, с такими странностями и сталкивались, а вот для Таннера подобная дикость была в новинку.

Он действовал быстро, чтобы Вал не успел прийти в себя и вернуться в то состояние фуги, в котором пребывал несколько секунд назад. Таннер подтащил его к беговой дорожке и усадил на середину полотна. Принес от окна два шнура для занавесок и привязал ими руки Вала к поручням. Затем позвонил в службу 911, после чего дождался, пока у Вала не прояснится в голове. Когда это случилось, тот снова начал казаться самим собой, только более заторможенным.

Таннер присел перед ним – так, чтобы Вал не смог его пнуть.

– Как твоя челюсть?

Вал все еще пытался сообразить, где он.

– Болит.

– А горло как?

– Еще хуже. – Он, похоже, был озадачен тем, что его руки задраны вверх и к чему-то привязаны, как будто он очнулся в темнице, прикованным к стене, и не мог понять, злиться ему или бояться. – А почему я?..

– Ты проглотил один из телефонов Дафны.

– Зачем?

– Не могу сказать. Ты и еще два пытался проглотить. А если бы я тебе не помешал, ты бы, наверное, сожрал все семь.

По-видимому, что-то внутри у Вала болело так, что в дальнейших доказательствах он не нуждался. Невозможно было понять, в пищевод засел телефон или добрался до самого желудка. По крайней мере, дыхательные пути ему не перекрыло, однако Таннер и представить себе не мог, как Вал умудрился пропихнуть эту штуку настолько далеко. Ладно еще старый маленький телефон-раскладушку, но не Samsung же Galaxy.

– У меня все болит. *Все*. – Голос Вала стал резким от подступающей паники. – Вы можете его из меня вытащить?

– Я вызвал скорую. Попытайся расслабиться и не дергайся.

– Я... я хочу избавиться от него *сейчас же*.

– Давай-ка оставим это дело профессионалам.

Таннер ограничился этим, не упомянув об очевидном. Одно потрясение зараз – человек не может выдержать всего сразу. Телефон со стулом не выйдет, и тем же путем, которым вошел, тоже, сколько рвотного ни принимай. Вала сегодня ожидало вскрытие грудной клетки или живота.

– Ты что-нибудь помнишь о том, что недавно случилось?

Судя по лицу Вала, что-то у него в памяти осталось, но, видимо, не то, чему он мог бы найти объяснение. Он словно пытался разобраться во сне, который не имел никакого отношения к логике реального мира.

А как насчет собственной роли Таннера во всем этом? Он ударил Вала первым. Врезал ему в живот, уронил на пол, а уже потом было все остальное. Так что же он *натворил* – так сильно напугал Вала, что тот укрылся где-то внутри себя, а руль перехватила какая-то другая часть его разума? Впечатление было такое, будто Вал Повседневный куда-то съехал. Регрессия, неуклюжая моторика... он двигался так, словно им управляло нечто, понятия не имевшее, *как* люди двигаются.

Более того, что-то в нем казалось... тошнотворным. Таннер не осознавал этого, освобождая Валу рот и привязывая его к беговой дорожке, но в тот момент он, видимо, был сосредоточен на другом. «В стрессовой ситуации полагайся на подготовку».

– Я не хочу, чтобы ты вот так сидел привязанным, если в этом нет необходимости. Если я развяжу шнуры, ты сможешь без проблем дождаться скорой помощи?

– Я... Я не знаю. Может быть... – Вал посмотрел на оба своих запястья, затем на ноги. – Может, лучше оставить все как есть.

– Почему ты так думаешь?

– Просто ощущение такое. – Вал закрыл глаза и помотал головой, чтобы снова ее прочистить. Когда он их открыл, один глаз у него задергался и прищурился, как будто чесался.

Возможно, они оставляли без внимания более очевидный вопрос.

– Почему ты так хотел помешать мне забрать телефоны?

– Я не знаю. – На лице Вала проступила искренняя озадаченность, и он перешел на шепот: – Это был не я. Все это был не я.

– Ты можешь сказать, кто это был?

– Не я. И вообще никто. – Вал заерзал и поморщился, ему было все неудобнее, все страшнее. У него снова задергался глаз, а потом и второй, а из-под волос заструился пот. – Я... Я ведь дома, да?

– Ты никуда из него не уходил. А почему ты спрашиваешь?

– Потому что я до сих пор вижу звезды. И планеты. – Он повозил языком в закрытом рту. – Солнечный ветер – вот это, наверное, что такое. – На шее у него начал проступать синяк размером с рибай. – Я вообще не должен помещаться в этом доме. И здесь нет звуков. Но я все равно вас слышу.

Слава богу, скорая была уже в пути. Таннер не знал, чем еще может помочь. Работая в поисково-спасательной службе Скалистых гор, он находил множество дезориентированных людей, но у этого всегда были логичные причины: обезвоживание, голод, обморожение, переохлаждение – состояния, с которыми Таннер умел справляться. Он даже подумал, не случился ли с Валом инсульт, хотя никаких признаков паралича вроде как не наблюдалось.

И синяки инсультом было не объяснить. Появилось еще несколько, теперь на руках, внезапные, точно сыпь.

– Но все это, – выговорил Вал; голос его превратился во что-то булькающее и резко понизился, словно звук внезапно ослабшей гитарной струны, – уходит.

Дергающийся глаз скорее не лопнул, а сдулся, утонул в глазнице, когда роговица над зрачком прорвалась и по щеке медленно потекла стекловидная жижа. Вал жалко, изумленно забормотал. Второй его глаз оставался широко распахнутым и целым достаточно долго, чтобы уставиться на Таннера, умоляя о помощи, об ответах, а потом поглядеть вниз, когда Вал засипел и выкашлял себе на колени пригоршню окровавленных зубов.

Затем он потерял и второй глаз, сделавшись слепым и хуже чем немым, потому что ни один из издаваемых им звуков Таннер не мог расшифровать и даже воспринять как человеческий. Там, где кожа Вала не потемнела от синяков, она покрылась красными точками из-за лопнувших капилляров. Его руки, все еще безвольно болтавшиеся в запястьях, проскользнули сквозь путы, будто превратившись в пустые перчатки. Обе кисти с бескостным шлепком ударились о полотно беговой дорожки, а следом за ними дернулся и вопреки позвоночнику просел внутрь себя весь его торс, будто взорванное здание.

Несколько ужасных секунд челюсть Вала продолжала работать – что-то внутри него оставалось в сознании, понимало, что происходит, и из последних сил пыталось умолять о помощи, – а потом отвисла и закачалась, когда голова повалилась вниз вместе с остальным телом, а все то, что еще было на это способно, задергалось и затряслось.

Слишком многое – на Таннера одновременно обрушилось слишком многое. Он хотел помочь, но не знал как. Он видел, как человек распадается на куски – буквально – и не понимал, за что ухватиться в первую очередь. А потом осознал, что нет, он вообще не хочет прирагиваться к Валу.

Кожа Вала лопнула больше чем в десятке видимых мест и, должно быть, еще во множестве невидимых. В глубине сочащихся ран Таннер видел что-то, похожее на белые камешки, — кости, распавшиеся на куски и осколки.

Вирус Эбола? От этой мысли Таннер попятился; он не знал, что еще способно вызвать настолько обильное кровотечение. Но это не мог быть он. Эбола развивается несколько дней, и даже в худших случаях последствия у нее не *такие*.

Он услышал вдалеке сирену и уселся на ступеньки, снова набирая 911, чтобы задержать скорую помощь и вызвать инфекционную службу, которой предстояло оградить дом.

Вторая фаза

Ничто великое не входит в жизнь смертных без проклятия.
Софокл⁴

Уэйд Шейверс преследовал меня так, как может преследовать только хищник, после того как забрал все хорошее и оставил мне только плохое, а потом взял и умер, прежде чем я узнала, что значат слова «отпустить прошлое».

Некоторые из нас – тех, кто пережил подобное, – в конце концов обретают мечту, которая помогает нам жить дальше, мечту о встрече лицом к лицу. Мы хотим встретиться с тем, кто над нами надругался, теперь, когда выросли настолько, что можем взглянуть ему в глаза, а если захотим, то и плюнуть в лицо. Всего лишь однажды, после чего можно будет оставить его в прошлом, где ему самое место.

Неважно, в тюрьме это случится или на воле, потому что он так и не получил того наказания, которое заслуживал, – все равно, когда ты увидишь, что тебе больше не нужно смотреть на него снизу вверх, он резко уменьшится в размерах. Гляди-ка, а не такой уж ты и большой. Совсем не тот великан, которым я тебя помню.

А потом ты говоришь то, что пришла сказать. Говоришь ему, что он сломал тебя, но ты до сих пор стоишь на ногах. Говоришь, что он пустил тебе кровь, и теперь ты не склоняешься ни перед кем. Даешь ему понять, что у него больше нет над тобой власти.

Мне бы это не помешало. Но этот вариант отпал прежде, чем я была к нему готова. Шейверс не провел в тюрьме штата Колорадо и трех лет, когда какой-то охранник оставил незапертой нужную дверь, и несколько сидельцев из контингента общего заключения загнали его в угол и нанесли ему шестьдесят три удара самодельными ножами.

Спасибо, ребята. И что мне теперь делать? Навестить вас в камере смертников и выложить вам все, что мне хотелось сказать, чтобы вы передали Шейверсу весточку, когда увидите с ним в аду, в который я не верю?

Так что вместо этого мне остались воспоминания, и кошмарные сны, и злость, и боль, и ощущение, что мне нигде нет места. Хотя на самом-то деле у меня даже воспоминаний об этом моем опыте особых не было, по крайней мере сначала. И это вовсе не то благо, каким его считали некоторые люди. Я знала, что со мной случилось что-то плохое и оставило на мне отметины, потому что видела их каждый раз, когда разглядывала свою грудь или спину в зеркале. Но подробностей я почти не помнила. Все они были погребены глубоко внутри меня, и остальные считали, что это к лучшему.

Но я так не считала. Это как если бы всю жизнь тебя преследовал кто-то, кто нашепты-вает тебе на ухо кошмарные вещи, и одновременно колет тебя иглой между ребер, и исчезает каждый раз, когда ты оборачиваешься, чтобы его остановить. Но всегда возвращается.

Поскольку Уэйда Шейверса больше не было и мне было некому нанести визит с целью расправиться с прошлым, одна из терапевтов, к которым меня водили, решила опробовать кое-какие техники нейролингвистического программирования, чтобы я смогла в своем воображении уменьшить его настолько, насколько захочу, скомкать и выбросить. Или прогнать его щелчком пальца, будто комара, после того, как заставлю вернуть мне мою кровь. Сделать с ним что угодно.

Хорошая попытка.

⁴ *Примечание переводчика:* в данном случае я решил привести дословный перевод эпиграфа с английского, как наиболее соответствующий сюжету романа. Для сравнения, в переводе Зелинского эта цитата из «Антигоны» звучит как «В уделе Земном все под Бедой ходит», в переводе Мережковского – «В человеческой жизни скорбям не причастного нет ничего», в переводе Шервинского и Познякова – «Не проходит безмятежно человеческая жизнь».

Тогда-то я и решила, что, если действительно хочу от этого избавиться, нам придется закопаться глубже, чтобы я могла встретиться с прошлым лицом к лицу. Десять лет – достаточно долгий срок. Мне было уже шестнадцать, я научилась водить, но не было настолько далекого места, куда я могла бы уехать, не забрав с собой эти глубоко укоренившиеся воспоминания. Что ж, ладно, загипнотизируйте меня. Давайте посмотрим, что там на самом деле скрывается.

Доктор Ганновер делала все не спеша, с каждым шагом убеждаясь, что со мной все в порядке. Она была хороша в своем деле.

До наших первых сеансов я и не помнила, что он схватил меня в переулке между домами на Черри-драйв и Лайм-драйв. Что, правда? Я купилась на сказку о поисках пропавшего щеночка? Значит, вот как он заманил меня в свой фургон.

Еще я не помнила, как он извинился и сказал, что видел меня по соседству. До этого он похищал лишь детей, которые жили не ближе чем в тридцати восьми милях от его дома, а чаще всего – вообще в Денвере, однако теперь его самоконтроль дал слабину и он украл девочку, жившую всего в трех кварталах от него. Он слишком много времени провел, волею судьбы малышку, которую тем летом увидел играющей на улице, и я оказалась ну сли-и-ишком миленькой и соблазнительной.

«Но ты в этом не виновата, Дафна. Ты ни в чем не виновата».

Затащив меня в сарай, он не стал торопиться. Он растягивал время.

Говорят, это меня и спасло: то, что его заводили слезы. Можно добиться, чтобы ребенок плакал часами, если мучить его понемножку, постепенно наращивая интенсивность. Слишком много боли сразу – и он может отключиться. Но Шейверс к тому времени уже знал, как растянуть удовольствие. У него был большой опыт.

Я не помнила, что все это время он болтал, а уж тем более – о чем. Но у нас, оказывается, была та еще беседа: из него хлестали слова, а из меня – слезы. Главным образом он пытался рационализировать то, что делал. После всех предыдущих детей эта речь у него, должно быть, от зубов отскакивала.

– Тебе было бы лучше, если бы ты не родилась. Мы здесь, чтобы я смог исправить эту ошибку. Эту жестокую ошибку. – Вот какие вещи он мне говорил. – Ты этого еще не понимаешь. А я понимаю, потому что я старше и умнее. Я выбрал тебя, потому что ты особенная. Я выбрал тебя, чтобы спасти. В том мире, куда ты двнешься, так много страданий, и я хочу тебя от них уберечь. Никакое счастье не искупит муки самой обычной жизни. Я хочу тебя от них освободить. Ну разве не здорово?

В конечном счете все сводилось именно к этому: к освобождению. А потом он возвращался к своим инструментам и другим потребностям, с которыми я должна была ему помочь.

«Но и в этом ты не виновата, Дафна. Ты ни в чем не виновата».

Я не помнила, как холодны были его руки, несмотря на лето, и как грубы на ощупь. Я не помнила, как трудно было отличить его голые ладони от усов, от наждачной бумаги и, в конце концов, от рашпиля.

– Уже сегодня ночью ты не будешь об этом помнить. Ты ни о чем не будешь помнить.

Хорошие девочки забывают о том, что им велят забыть.

Наверное, можно и с другой стороны на это посмотреть. Стоит ли терпеть какие угодно пытки, если чем дольше они продолжаются, тем больше вероятность, что в конечном итоге тебя не убьют?

Вот в чем была ошибка Шейверса: он потратил столько времени, что весть о пропаже ребенка успела широко разойтись. Это случилось за год до создания системы AMBER Alert, и в то время все было по-простому: эй, у нас тут девочка потерялась, так что если вы что-нибудь заметили – расскажите.

В тысяче миль оттуда, в Чикаго, Терри Шейверс наконец-то была готова к тому, чтобы помыслить немыслимое о своем муже. Она работала профконсультантом в младшем колледже, и два-три раза в год уезжала на несколько дней поучаствовать в семинарах или тренингах. Когда закончилось дневное заседание, Терри зашла в бар отеля, открыла ноутбук, чтобы проверить почту и новости из дома, и...

Ты только посмотри, еще одна девочка пропала.

Должно быть, это было для нее ужасно – прийти к такому выводу. Почему-то похищения, происходившие в округе в последние несколько лет, всегда совпадали с ее рабочими поездками, и – ой, надо же – эта последняя девочка живет всего в трех кварталах от них.

Я представляю, как она сидит в том баре, пытаюсь не заблевать столик, и чувствует, что она одинока во Вселенной, раздавленная притяжением только что поглотившей ее черной дыры. Наверное, подойти к телефону было для нее сложнее всего в жизни.

Спасибо, что ты сделала тот звонок, Терри. Рада, что ты наконец-то достигла критической массы.

Было бы офигенно, если бы ты набрала тот номер за пару детишек до меня, но ведь ко всем нам осознание приходит в свой черед, верно?

* * *

Таннер просидел в доме Вала больше двух часов, прежде чем волны сотрудников инфекционной службы, казавшихся одинаковыми в своих белых защитных костюмах и масках, зеленых перчатках и мешковатых желтых сапогах, сумели перекрыть доступ к зданию. В конце концов его вывезли на изоляционных носилках – прозрачном пластиковом коконе на колесиках, по обе стороны которого были ряды перчаточных портов для оказания Таннеру неотложной помощи, если бы она ему вдруг понадобилась в пути.

Как они собираются выносить оттуда Вала – он не знал. В пластмассовом тазу, наверное, а потом принесут криминалистический пылесос, чтобы прочистить щели в беговой дорожке, а еще вырежут кусок ковра и скатают его, чтобы уж точно забрать все.

– Как вы себя чувствуете, Таннер? – этот вопрос ему задавали очень часто.

– Нормально, – отвечал он. – Все еще нормально.

Ничего другого им слышать было и не нужно, а Таннер понимал, что если начнет распространяться, то остановится не скоро: «Если под словом „нормально“ понимать то, что симптомов у меня нет, зато я охереть как напуган, потому что недавно у меня на глазах буквально развалился на части человек. Никакая известная нам болячка на такое не способна. Так с чем мы имеем дело? А вдруг это какое-то химическое или биологическое оружие и Вал каким-то образом подцепил эту дрянь как раз перед моим приходом? Так что я вздрагиваю каждый раз, когда у меня что-нибудь дернется или зачесется, и думаю, не с этого ли у него все началось».

Но никому не нужно было это выслушивать, чтобы выполнять свою работу.

Под вой сирен его привезли в карантинную палату Национального еврейского медицинского центра – комнату со стеклянной стеной, похожую на террариум с кроватью, раковиной и кучей мониторов. У него взяли мазки и проверили все жизненно важные показатели. Пульс и давление оказались повышены, но этого стоило ожидать. И анализы тоже взяли. Заполните этот шприц, этот стакан для образцов и еще вот этот, а когда сможете – то и вот этот, побольше. Кровь, слюна, моча, кал. Его так и не стошнило, но, если бы стошнило, рвота бы им тоже пригодилась.

Может, Таннеру стоило для них еще и подрочить, вот только у него от страха пропала эрекция – а так они смогли бы убедиться, что он ничего не передаст следующему поколению... он ведь и так ему уже достаточно навредил, верно?

Теперь оставалось только ждать. Следующая остановка – либо результаты анализов, либо полная утрата конструктивной целостности на глазах у врачей. Кто-то позвонил Берил, и она уже выехала, но до ее появления Таннеру нужно было чем-то себя занять, а не просто ждать, не станет ли он для докторов вторым медицинским кошмаром за день. В карантине развлечений предусматривалось примерно столько же, сколько в приемной страхового агента.

– Можете принести телефоны, которые со мной привезли? – спросил он. – Они бы мне оченьгодились.

Сидя в доме Вала, Таннер снова собрал их и сложил в галлоновый пакет с застежкой, который нашел на кухне. Врачей потребовалось убедить – сказать, что, в зависимости от результатов анализов, им, возможно, придется отыскать его сестру, Дафну Густафсон, а это может им помочь, – но в конце концов телефоны принесли. Они были тщательно вытерты и пахли дезинфицирующим средством. Аккумуляторы оказались разряжены, но Таннер смог их зарядить от розетки в стене.

Шесть телефонов – без того, что проглотил Вал. До тех пор, пока он не найдет временные отметки, доказывающие иное, Таннер собирался исходить из того, что у Дафны с собой есть еще один, который она либо игнорировала, либо отключила.

Ну серьезно, кому за три-четыре года может понадобиться восемь телефонов? Он знал людей, покупавших новые модели ежегодно, потому что, не имея последней, они рисковали быть зачисленными в менее ценные представители вида. Другие, беспечные, меняли телефоны как дешевые солнечные очки.

Но Дафна не относилась ни к тем, ни к другим. Судя по той полудюжине, которую Таннер разложил на полу, она не хранила верность ни одному бренду или оператору. Даже не проявляла постоянства в выборе Android или iOS, а самый старый из телефонов вообще был на базе BlackBerry.

Таннер ковырялся в файлах каждого из них до тех пор, пока не понимал, какое место тот занимает в хронологии событий, и в конце концов выстроил телефоны в ряд от самого старого к самому новому.

Облегчение – у всех заблокированных телефонов был один и тот же пароль. Дафна раскрыла его Таннеру два или три года назад и заставила выучить наизусть, как будто предвидела в будущем подобный день. Но даже тогда попыталась обратить все в шутку: «Это для подстраховки, вот и все. Ну, знаешь... на случай, если меня когда-нибудь найдут в мусорном баке, ха-ха, и нужно будет выяснить, что я делала в последние сорок восемь часов».

Черт побери. Снова все по-старому. Он опять не уделил ей того внимания, которое должен был.

Таннер открыл список контактов, увидел имена знакомые и незнакомые. Проглядел фотки, промотал видео. Увидел ее пьяной, увидел ее трезвой, увидел ее с сослуживцами на полудюжине работ; пожалел о том, что увидел ее голой, и немедленно бросил это дело. Оставались еще сохраненные сообщения и письма. Судя по беглому обзору, если он хотел изучить все досконально, ему предстояло несколько часов просеивания информации. А в итоге все это могло никак не помочь в поисках Дафны.

На третьем телефоне он обнаружил, что пару лет назад она начала использовать приложение для записи и архивирования звонков. Это было единственное, что казалось... странным. Временные отметки у файлов имелись, а вот имени звонившего не было ни в одном, лишь цепочки знаков, либо зашифрованные до полной неузнаваемости, либо изначально не поддающиеся декодированию. Все звонки – а их оказались десятки – были примерно одинаковой длины: сорок семь секунд, плюс-минус одна или две.

Когда Таннер воспроизвел самую старую запись, из динамика донесся треск – то ли неисправность, то ли проблема со связью. Это был белый шум, приправленный низкой, резонирующей пульсацией, которую Таннер счел пугающей, частотой, которая пыталась проникнуть в

извилины его мозга, как заноза проникает под ноготь. Помимо этого, сквозь шум силился пробиться еще один звук: это явно был голос, но искаженный – неразборчивое звуковое пятно.

Таннер проиграл второй звонок и услышал то же самое, как и в третьем звонке, и в четвертом. Он не мог себе представить, зачем Дафна их хранила. Если для того, чтобы сообщить о проблемах со связью, – значит, они уже сослужили свою службу. Удали их наконец.

А может быть... Может быть, она хранила их как доказательства. Преследования, домогательства, угрозы – *вот вам почерк, вот как давно это длится, не хотите мне как-нибудь помочь, ребята?*

Таннер перескочил через несколько файлов, чтобы понять, не сделались ли четче более поздние записи. Но они остались такими же, может, лишь с небольшим намеком на то, что голос, желавший быть услышанным, начинал преодолевать помехи, как будто отыскивал путь через туман.

А потом настала пора отложить телефоны. Пришла Берил с Ризом на руках. У нее были запавшие глаза и напряженное лицо женщины, перепуганной до потери сознания, а что до их сына... ну, даже учитывая, что ему всего три, нелегко было понять, осознает ли он вообще хоть что-нибудь. Иногда Риз видел, обращал внимание и сосредотачивался. А иногда смотрел прямо сквозь тебя, словно его интерес увял еще до того, как он успел заметить твое присутствие. Как сейчас. Как, наверное, будет и через десять лет. И даже через сорок. Они до сих пор не нашли ни одного врача, готового пообещать им, что их мальчик когда-нибудь научится говорить, или застегивать липучки на кроссовках, или хотя бы понимать, что он этого не умеет.

Возможно, сегодня виновато было стекло карантинной палаты. Все, что находилось по ту сторону такой толстой преграды, не имело для Риза никакого значения, попросту не существовало.

Если бы это была сцена из фильма, Берил потянулась бы к Таннеру и прижала бы ладонь к стеклу, а он бы сделал то же самое. Тюремная верность. Но он прекрасно знал, что жизнь вечно выставляет сценаристов лжецами. Берил смотрела на стекло между ними так, будто его могло оказаться недостаточно.

– Я в порядке. Это просто предосторожность, – сказал ей Таннер. – Что бы ни сгубило дружка Дафны, оно, кажется, было не заразно.

– Но ты не уверен. – Берил пересаживала Риза с одного бедра на другое. – Что с ним случилось? Никто мне ничего не рассказывает.

– Они до сих пор пытаются это выяснить.

Он видел, как на ее лице отражается борьба. Берил хотела поверить ему, но у ее доверия были границы. Таннер давным-давно заразил ее несправедливостью мира, по одному рассказу о работе зараз. Ей не стоило его расспрашивать, если она на самом деле не хотела об этом знать, – иногда у спасательных операций не было счастливого финала. Иногда ты спускал с гор трупы. Иногда ты вывозил живых вместе с мертвыми, и тебе приходилось подыгрывать уцелевшим, которые не желали верить в то, что случилось. Дураки могли выйти сухими из воды, а люди, оказавшиеся у них на пути, – нет. Иногда те, кто больше всего нуждался в помощи, злились на тебя, как будто это ты был виноват в том, что у них все пошло через жопу. Они сопротивлялись. Они упирались и отказывались сотрудничать. Они вели себя так, словно хотели умереть.

А потом до него дошло: Риз. Никто не станет выдергивать трехлетку из детского сада и тащить его в больницу ради него самого. Таннер мог представить себе лишь одну причину, по которой Берил это сделала: тот, кто ей позвонил, намекнул, что, если они не поторопятся, Таннер упустит последнюю возможность повидаться с сыном.

Пока они устраивались в кресле у стены напротив, Таннер наконец-то понял: Берил жила в ожидании чего-то подобного уже очень давно.

* * *

Есть такая штука, которую называют виной выжившего: это когда ты что-то пережила, а другие – нет. Месяцы, годы или целая жизнь вопросов: почему я? Что во мне особенного? Что я такого сделала, из-за чего, в отличие от остальных, заслужила жизнь?

Вот только я этой вины не ощущала. Просто научилась очень хорошо о ней врать, чтобы люди не думали, что со мной что-то совсем неладно. Большинство докторов на это купились. Один меня раскусил. Честно говоря, это было облегчением... хоть с кем-то мне не приходилось притворяться.

Странно, но вместо этого я гадала, почему мне нельзя было пройти этот путь до конца, как девяти предыдущим детишкам. Почему я должна была остаться здесь, застрять в этом мире страданий? Бывали времена, когда я им завидовала. Они не знали, чего избежали, и порой мне казалось, что это было благом.

Если Уэйд Шейверс сказал мне, что было бы лучше, если бы я не родилась, значит, и остальным он, скорее всего, говорил то же самое. И всем им повезло больше, чем мне. Позже я стала представлять, как они лежат в своих тайных могилках в леске рядом с его домом, совершенно не чувствуя, что внутри у них копошатся жуки и черви. Когда поисковые команды откапывали их, они не знали, что происходит, и их души не ворчали – «А это обязательно? Еще пять минуток, ладно?» – потому что их души были уже не здесь.

Вместо того чтобы оставить прошлое далеко-далеко позади, я не могла перестать думать об этих детях. Мы ни разу не встречались, но у нас было столько общего. Все наши жизни пришли к одной и той же точке, повторявшейся снова и снова.

Они стали мне такими же родными, как Таннер. Семь девочек и два мальчика, два милых маленьких мальчика. Я хотела узнать о них все, что смогу, но узнавать было почти нечего. Никто из них не успел толком пожить от колыбели до могилы. Даже самая старшая из нас едва-едва пошла в школу. Все мы любили кукол, игры, раскраски, «Улицу Сезам» и «Могучих рейнджеров».

Мы все были примерно одного возраста, когда Шейверс нас похищал, но со временем с моим восприятием случилась странная перемена. Все они остались прежними, а я повзрослела. Поэтому теперь я была им старшей сестрой. Я могла представить себя старушкой, седовласой и морщинистой – если я протяну столько лет, – за которой до сих пор таскается выводок братьев и сестер, так и не доживших до второго класса. Они будут ходить за мной хвостом всю мою жизнь. Было бы лучше, если бы никто из нас не родился, но мы родились, и после того, что с нами случилось, я одна должна была жить за всех.

Поэтому я ими заинтересовалась. Если бы я занималась в университете социологией, то могла бы взять это в качестве задания: «Проект „Выжившая“».

Охотнее всего со мной разговаривали матери. Отцы – те, кто остался в семье, – не слишком. А может, они и хотели бы поговорить, но затвердевшее горе сделало их неспособными выразить что-нибудь, кроме самых простых жалоб на эту тяжесть в сердце, на этот камень, который все никак не выйдет.

А вот мамочки? О боже, да. Стоило мне представиться им на пороге, как они приглашали меня в дом и обнимали, будто давно потерянную родственницу. Сначала я боялась, что они будут ненавидеть меня за то, что я не умерла, но ни с одной этого не случилось. Я была чем-то вроде живой связи с самой страшной и дорогой из их потерь. Я была человеческим потенциалом, который продолжал реализовываться; будущим, которое могло бы у них быть.

В каждом случае у меня создавалось впечатление, что все их родственники и друзья, все знакомые готовы были какое-то время их утешать, но потом достигали предела, за которым не хотели больше об этом слышать. «Пора отпустить прошлое и жить дальше, тебе не кажется?»

Я была поражена тем, что эти девять женщин так и не собрались вместе, чтобы организовать собственную закрытую группу поддержки.

И тут появилась я, вся внимание, желающая узнать все, что они готовы были поведать о потерянных дочери или сыне. Они говорили столько, сколько я слушала. Я слушала столько, сколько они хотели говорить. Их детки оставались для них если и не живыми, то ощутимо присутствующими, и ни одна из матерей не хотела, чтобы было иначе.

Да – куклы, игры, раскраски, «Улица Сезам» и «Могучие рейнджеры»... но кроме этого мне рассказывали еще и о черточках, отличавших каждого ребенка от других.

Дина Линн Роу почти с самого начала была такой юркой маленькой обезьянкой и мастерицей побегов, что однажды выбралась из кровати, залезла под нее и пинала до тех пор, пока та не развалилась и не заблокировала запертую дверь; баррикада оказалась настолько крепкой, что отцу Дины пришлось лезть в комнату через окно.

Хасинта Роха была прирожденным ветеринаром. Она приносила домой всех заблудших животных, которые позволяли ей взять себя на руки. Она устраивала им постельки, а когда они в этом нуждались, выхаживала их с такой самоотверженностью, что в сравнении с ней святой Франциск показался бы разгильдяем.

У всех них были свои истории. У всех были свои уникальные черты. У всех были свои, отличные от чужих, пути, которые внезапно оборвались по причинам, не понятным ни для кого, кроме лысеющего монстра в конце этих путей.

А еще был Броди Бакстер. У него имелась особенность, делавшая его совершенно не таким, как остальные. Даже его мать была вынуждена это признать и не понимала, как ее объяснить.

Броди Бакстер определенно не был похож на прочих детей.

* * *

Таннера задержали в больнице на ночь для наблюдений и дополнительных анализов, и еще для посещения специалистами, прилетевшими из центров контроля и предотвращения инфекционных заболеваний. Они с беспощадностью детективов убийного отдела расспрашивали его о том получасе, что он провел в компании Вала. Незначительных деталей не существовало.

Таннер не был уверен, обоснованное это впечатление или вызванная усталостью паранойя, когда не смог отмахнуться от ощущения, что они такое уже видели. Не факт, что часто, но видели. И почти так же он был уверен в том, что не добавляет в их базу знаний ничего нового, кроме того, что у жертвы развился аппетит к мобильникам.

К утру, после в основном бессонной ночи, им не оставалось ничего другого, кроме как отпустить его. Анализы все еще были в норме. Показатели жизнедеятельности оставались хорошими, и ни единого аномального симптома так и не проявилось. Врачи не нашли никаких химических или биологических аномалий ни на одежде Вала, ни в доме, ни в районе, где он жил.

И, как понял Таннер, в мешанине останков Вала тоже.

По пути домой Берил высадила Таннера в Брумфилде, чтобы он забрал свой грузовик, и последние несколько миль до Лафейетта он ехал следом за ней, пытаясь не вырубиться за рулем и не погибнуть самым прозаическим образом.

Дома заснуть тоже не удалось. Он завис в том мучительном состоянии, когда от усталости сон не приходит, а мысли в голове мечутся слишком быстро. Укладывая Риза в постельку, Таннер поцеловал его в лоб и прошептал, что ему придется спать за двоих.

Когда они вышли из комнаты сына и тихо прикрыли за собой дверь, Берил выглядела почти так же ужасно, как Таннер себя чувствовал.

– Я из-за тебя лет на десять постарела, ты знаешь это?

Она обняла его, а он обнял ее в ответ, и какое-то время казалось, что они не дают друг другу упасть. От Берил пахло больницей, и Таннер подумал, что от него несет еще хуже. В ближайшем будущем их обоих ожидал долгий горячий душ.

– Нам нужно поговорить, – сказала она.

Наполняли ли его таким страхом еще хоть какие-то три коротких слова? «Я хочу развестись» – этого он никогда не слышал. «С Ризом беда» – ладно, это было на вершине хит-парада. «Брось свою сестру» – этого он ждал уже много лет.

– Дафна влипает в неприятности – и ты спешишь ей на помощь, – продолжила Берил. – Она бросает работу – и ты ходишь по знакомым, чтобы найти ей новую. Она пропадает – и ты отправляешься ее искать. У нее проблемы с очередным мудаком-бойфрендом – и ты идешь вселять в него страх божий. Тебе кажется, что она снова вышла из завязки – и ты проверяешь, трезва ли она.

Правда, чистая правда. Каждый раз это была правда.

– В половине случаев ей помощь вообще не нужна, но ты все равно прибегаешь, потому что не уверен в этом на сто процентов и не полагаешься на то, что она сама обо всем позаботится. Ты *приучил* ее этого не делать, Таннер, ведь она знает, что ты всегда рядом. Это единственная неизменная вещь в ее жизни.

Они вернулись в гостиную, где Таннер расчистил себе путь сквозь игрушки и рухнул на диван. Он закатал фланелевые рукава и принялся отдирать комочки ваты, наклепленные поверх маленьких красных дырочек, из которых врачи забирали образцы крови – а то и плоти – на анализ.

Берил ухватила за руку Таннера, чтобы остановить его. Он не был осторожен. Могло показаться, что он намеренно причиняет себе боль – если подумать, так оно и было.

– Я понимаю. Ты спасаешь жизни людей. Ты находишь их, когда они заблудились, и эвакуируешь их, когда они ранены. Это твое призвание. Я люблю это в тебе, потому что знаю, что мне никогда не придется беспокоиться о том, будешь ли ты рядом со мной. Я знаю, что, если понадобится, ты придешь ко мне и не позволишь ничему встать у тебя на пути. Кроме *нее*.

Порой Берил могла умело обращаться с кинжалом.

Таннер невольно вспомнил задачу из курса по этике. «Вы находитесь на тонущем корабле вместе с двумя любимыми людьми. Вы можете спасти лишь одного из них. Кого?» И заносчивый ответ себя девятнадцатилетнего: «А с чего вы взяли, что я не научил их обоих плавать еще несколько лет назад?»

Тогда все казалось таким простым. И невозможно было поверить, что некоторые люди могут отказаться учиться плавать. Или позволить себе забыть, как это делается. Или станут испытывать твою любовь, опускаясь на дно и подсчитывая, сколько времени у тебя ушло, чтобы нырнуть за ними.

Берил снова погладила его по руке и отпустила.

– Но все равно, это – твоя работа. Ты не обязан приносить ее домой. У тебя есть право на отдых. И я не могу нуждаться в тебе лишь в самых экстренных случаях. Иногда я нуждаюсь в тебе просто так. Иногда мне просто хочется почувствовать, как рядом бьется другое сердце, понимаешь?

Он привлек ее себе; оба они мариновались в больничных миазмах хвори, моющих средств и отчаяния. Таннер держал рот на замке. Она нуждалась в том, чтобы ее выслушали, а все, что он мог сказать в свою защиту, Берил знала и так. Это было такой же неотъемлемой его составляющей, как ДНК и мозоли: однажды, когда ему было двенадцать, он оставил шестилетнюю сестру одну без присмотра; он знал, что это неправильно, но все равно это сделал, и тогда ее учуяли чудовища. Всего лишь один раз – но одного раза хватило. Он не мог представить себе день, когда ощутит, что с него снято бремя ответственности за этот случай.

– Только позволь мне довести дело до конца в последний раз. Мне кажется, что сейчас все по-другому, – сказал он. – А потом я донесу до нее то, что ты сейчас донесла до меня. Ты права, я не дал ей понять, что от меня можно ждать чего-то другого. Но я не могу вывалить все это на нее посреди какого-то кризиса и оставить разбираться с ним самостоятельно.

Таннер чувствовал накал между ними, чувствовал, как напряжены ее плечи.

– Если бы я мог так поступить, – продолжил он, потому что не одна Берил держала кинжал наготове, – я не был бы тем человеком, которым ты меня считаешь.

* * *

Броди Бакстер был единственной жертвой, чье тело Уэйд Шейверс сжег.

Он сжег все, что смог, потом выгреб обгоревшие косточки и все то, что отказывалось рассыпаться в пепел, раздробил на куски и осколки и раскидал по лесу так широко, что нельзя было даже сказать, есть ли у несчастного мальчика настоящее место упокоения.

Странное отклонение от сценария. Шейверс был чудовищем высшего порядка, его преступления ужасали настолько, насколько это вообще возможно. Но если бы у вас получилось отключиться от чистых эмоций, вы бы поняли, насколько это необычно. Чудовища, как правило, довольно последовательны в своих методах.

До того случая Шейверс убил четырех девочек и всех их закопал. После того как он приносил их в свою маленькую рощицу, он хоронил их очень деликатно, учитывая обстоятельства. Вместо того чтобы просто сбрасывать их в ямы, он обращался с ними с нежностью, в которой отказывал в последние их часы. И то же самое было с последними четырьмя жертвами. Если бы он успел закончить со мной, то, не сомневаюсь, тоже устроил бы мне настоящее погребение.

Но не Броди.

Какого хера, Уэйд? Ну правда, в чем прикол?

Шейверс так и не дал удовлетворительного ответа.

Мать Броди показала мне целую кучу его фотографий, и он оказался довольно маленьким мальчиком, худым, с большими зелеными глазами и шелковистыми каштановыми волосами до плеч. Он утверждал, что стрижки... не то чтобы делают ему больно, но после них у него кружится голова. «Мне мутно» – вот как он это называл.

Может быть, Шейверс перепутал его с девочкой, а потом, как мог, постарался стереть свою ошибку? Или он все знал с самого начала, но, в отличие от девочек, ничто не мешало ему измываться над телом мальчика даже после смерти? Ведь та кирпичная печь в его сарае была не настолько велика, чтобы семилетний мальчик влез туда целиком, знаете ли. Броди пришлось отправиться в нее по частям.

Однако со вторым мальчиком Шейверс этого не повторил. Энтони Диспенца, как и все остальные, оказался под землей.

Что им руководило, Шейверс говорить отказывался. Он ничего не объяснил, но позже его адвокаты и тюремные охранники рассказывали, что это было единственное из убийств, которое его беспокоило, хоть и не по каким-то понятным причинам. Он так и не пришел к раскаянию. Он все еще верил, что оказывал нам услугу. Скорее, Броди приводил его в замешательство, и Шейверс никак не мог сообразить почему.

Он утверждал, что мальчик заплакал далеко не сразу и что инструменты его зачаровали. Броди ткнул пальцем в один из них, судя по всему узнав его, и даже придрался к мелким недостаткам в дизайне. Похожий использовали для его первой жатвы, сказал он, только тот был толще, потому что маленьким вентральный стебель не перерезать. Указывал Броди на садовый нож.

Шейверс пришел к извращенному заключению, что Броди намеками говорит ему о том, какой инструмент на нем лучше использовать. Когда Уэйд подчинился, Броди рассмеялся и сказал: «Нет, глупый. Ниже. Они всегда начинают ниже».

По крайней мере, так об этом рассказывал сам Шейверс. Некоторые считали, что он выдумал это в качестве рационализации – хищники, бывает, утверждают, что их жертвы сами этого хотели. Или пытался таким образом добиться, чтобы его признали невменяемым. Обе версии были логичными – но почему тогда он не включил в эту историю кого-то из других детей? Об остальных из нас он говорил примерно то, чего можно было ожидать.

Последней, от кого я ожидала услышать, что она его понимает, была мама Броди. В мой второй визит она призналась мне, что верит Шейверсу, – осторожно, словно давно хотела с кем-то этим поделиться, но слишком привыкла не доверять людям.

Броди всегда говорил странные вещи, сказала мне Делия. Это для детей обычное дело, но он по странности опережал остальных. Она начала подозревать, что с Броди что-то серьезно не так, с тех пор, как он научился разговаривать, и даже раньше, судя по опыту с двумя своими старшими детьми и отпрысками друзей.

На улице – ему тогда не исполнилось еще и года – он смотрел на небо так, словно оно его беспокоило, даже в те дни, когда вокруг не было птиц, которые могли бы его напугать (если проблема вообще была в этом), и смотреть было не на что, кроме чистейшей синевы. Когда Броди научился говорить и задавать вопросы, он спросил, почему оно такого цвета. Нормальный вопрос, вот только потом, не удовлетворившись ответом, он сказал, что это неправильно, ткнул в оранжевые полосы Тигры на одеяле с Винни Пухом и заявил: «Вот. Вот правильный цвет».

Год спустя, ночью, он удивил ее, когда – думая, похоже, что его разыгрывают, – с искренней убежденностью ребенка спросил, куда девалась вторая луна. А в возрасте пяти лет, когда ему рассказывали о созвездиях, ставший очень разговорчивым Броди сообщил ей, что звезды все не на своих местах.

Бывало и более странное. Он останавливался на открытом пространстве, закрыв глаза, сдвинув ноги, и мягко, даже блаженно покачивался с каждым ветерком. Несколько раз указывал на пальцы своих ног и спрашивал, когда они вырастут по-настоящему. Самые тяжелые битвы родители вели с ним, когда заставляли его надевать обувь. Сама идея обуви вызывала у него патологическое отвращение.

Пик причуд и замечаний Броди пришелся на пять лет, а затем они пошли на убыль, хотя порой он все еще выкидывал что-нибудь необычное. Чаще всего – после сна или во время сильных переживаний. Казалось, будто что-то в нем угасало, проигрывало долгую медленную борьбу по мере того, как Броди становился обычным мальчиком, но иногда все же пробуждалось.

– Как вы это объясняли? – спросила я у Делии.

Она рассказала мне о том, что прочитала все, какие смогла найти, истории о детях, вспоминавших о том, что могло быть их прошлыми жизнями. Такое случалось по всему миру: дети пугали родителей, рассказывая жуткие истории о том, как разбились в горящем самолете или утонули вместе с кораблем, а может, просто о детях, которые были у них самих. Они указывали на свои родинки: на круглые – «вот куда вошла пуля»; на продолговатые – «вот куда вошел нож».

Господи, подумала я тогда. Какими же кошмарными родимыми пятнами будут покрыты мои призрачные братья и сестры, если вернутся на землю?

Иногда такие дети сообщали столько деталей, что исследования доказывали: человек, о котором они говорили, действительно существовал. Имена, места, даты, события, родственники – им были известны такие неочевидные, стародавние детали, о которых они никак не могли узнать.

Но это никогда не длилось долго. В возрасте пяти-шести лет дети обо всем забывали. Связь обрывалась. Они словно бы рождались, стоя одной ногой в настоящем, а другой – в прошлом, и постепенно совершали последний шаг.

Делия сказала мне, что это помогло ей смириться. Раньше она не верила в реинкарнацию, но теперь поверила. Броди научил ее верить. К тому времени, как мы с ней познакомились, его не было уже одиннадцать лет – этого времени вполне хватило бы, чтобы вернуться в наш мир. Быть может, прямо сейчас он рассказывал какой-то другой женщине о матери, которая ласкала и любила его прежде.

Невозможно было спорить со скорбящей матерью, нашедшей себе утешение, пусть даже мне в то время было семнадцать и спорить я умела лучше всего. Я сидела бок о бок с Делией на диване и думала: да, но... две луны? Оранжевое небо? Вентральный стебель, что бы это ни значило?

Какого хера, Броди? Ну правда, в чем прикол?

Иногда воспоминания путаются, сказала мне Делия, – это был единственный раз, когда я видела ее обороняющейся.

Конечно, ответила я. Конечно путаются. В этом наверняка все и дело.

Давить я не стала.

И уж тем более не стала рассказывать ей, что человек, убивший ее сына, засунул меня головой в печь, в которой сжег тело мальчика, потому что ему, похоже, казалось, будто там, внутри, осталось что-то, что я смогу найти.

* * *

Днем Таннеру удалось заснуть, и он проспал до позднего вечера. А когда проснулся, отдохнувший, полный сил, и увидел почерневшее небо и похожий на лезвие косы месяц, все показалось ему каким-то неправильным. Он был бодр и готов выходить на охоту в то время, когда ему стоило бы потихоньку укладываться спать.

У него все еще оставались незаконченные дела. Каждая клеточка его тела знала это.

Он сходил за пакетом с телефонами Дафны и вынес их на заднее крыльцо. Устроился на подушках деревянного шезлонга и продолжил то, что начал вчера в карантине.

На этот раз – дорогие наушники. С ними деревья, окружавшие крыльцо, и ночь, окружавшая деревья, умолкли. Теперь Таннер погрузился в них, в эти странные звонки, которые Дафна записывала сотнями, в эти сорокасемисекундные звуковые ландшафты, состоявшие из булькающего шума и того острого резонанса, похожего на нож, пытающийся прорезать статику. Второй звук, голос, слишком неясный, чтобы разобрать слова, боролся с ней, точно лицо, толкающееся в мембрану до тех пор, пока она не порвется.

Кто бы это ни был, чего бы он ни хотел, он не сдавался. Его одержимость была абсолютной. Она переходила от телефона к телефону, от месяца к месяцу, от одного номера к другому, на протяжении двух лет. Звонивший всегда находил Дафну, что бы она ни предпринимала, и не оставлял в этих беспорядочных буквах, или символах, или чем они там были, ни малейшей подсказки о том, кто он такой на самом деле.

Аттила? Если полагаться чисто на необоснованные догадки, человек по имени Аттила мог быть способен на преследование такого уровня... вот только оно началось до того, как Дафна с ним связалась. На этом этапе цепочки он еще не просматривался. Он не появлялся до пятого телефона – всего лишь очередной контакт: Аттила Чонка. Он подождет.

К последнему десятку звонков на телефоне номер пять Таннер начал различать отдельные слова – те, что первыми проникли сквозь звуковую завесу силой бесконечного повторения: *их... ты... себя... узнаешь...*

Контекста у них пока не было, но Таннер был уверен, что он появится. Чем бы ни было это послание, оно обладало размеренностью заклинания, мантры, стихотворного отрывка. На пятом телефоне оно начало по-настоящему обретать форму. Чем яснее становилось сообщение, тем более отвратительным казалось – это было ощущение сродни той гадливости, что нахлынула на Таннера, когда Вал ухватил его за плечо. Он не мог объяснить этого тогда и не мог сейчас. Была лишь уверенность, будто он слышит нечто такое, что слушать нельзя, звуки, порожденные ртом, которому стоило оставаться закрытым.

Он перестал воспроизводить каждую пятую запись и начал слушать их по порядку. С каждой итерацией источник звука, казалось, приближался еще на шаг сквозь туманы и расстояния, как будто наконец-то разглядел свою цель, и вот послание стало таким же четким, как и голос, который его произносил. Голос казался неправильным, хотя Таннер не мог сказать, почему именно. Так же неправильно звучал бы шепот, доносящийся зимой из недр пещеры на глубине в тринадцать тысяч футов.

Ты должна их убить.

Ты должна их убить ради нас.

Ты должна их убить ради себя.

Ты должна их убить ради своего мира.

Хрипящий голос, царапавший уши, казался... нечеловеческим. Словно нечто, плохо понимавшее, что такое человеческая речь, пыталось ее симитировать. И это было не все, что оно хотело сказать.

Ты узнаешь их, когда почувствуешь их.

Ты узнаешь их, когда увидишь их.

Ты узнаешь их, когда прикоснешься к ним.

Ты узнаешь, что рождена для этой цели, когда сделаешь это.

Ты узнаешь зачем, когда это случится.

Их кровь станет залогом твоего бессмертия.

Оно не успокоилось, пробившись к ней. Оно передало то же самое сообщение еще как минимум сто пятьдесят шесть раз.

Голос был мертвый, будто синтезированный компьютером, лишенный эмоций и бесцветный. Однако в записях не было цифровой точности. Они отличались друг от друга. Паузы между фразами были разной длины. Голос делал акцент на отдельных словах, каждый раз иных, словно нащупывая нюансы языка.

И Дафна сохранила эти звонки. Их были сотни, а может и тысячи, и Дафна их все сохранила.

Побросав телефоны обратно в пакет, Таннер просидел на крыльце еще час, думая о том, что да, Берил снова оказалась права. Он не должен был приносить это домой. Теперь ему казалось, что он заражен, и если вернется в дом слишком скоро, то передаст заразу всем, до кого дотронется. Он зайдет туда лишь тогда, когда сочтет это меньшим риском, чем торчать здесь до тех пор, пока ему не покажется хорошей идеей засунуть в каждое ухо по палке и шуровать ими там, пока он снова не ощутит себя чистым.

Так как же понимать то, что в момент, когда Таннер ожидал этого меньше всего, произошло событие, больше всего из виденного им в жизни напоминавшее божественное откровение?

Пока он смотрел на западное небо, сама судьба, похоже, прислушивалась к его мыслям и решила подтолкнуть Таннера, чтобы он не сошел с верного пути. С севера на юг над вершинами гор на горизонте пронеслась яркая вспышка бело-зеленого огня. Мгновением позже следом за ней промелькнули еще пять – и исчезли.

«Вспомни, что вы обещали друг другу», – словно бы сказали они. Таннер уже почти забыл об этом – о той далекой ночи на заднем дворе, когда они с Дафной, еще подростки, оба подняли взгляд точно в нужный момент, чтобы заметить в вышине сияюще-синий мазок

метеорита. Это была ее идея: «Не важно, где мы и что мы делаем, – если кто-то из нас снова увидит падающую звезду, пусть остановится и вспомнит о другом, хорошо? Потому что другой тоже может в этот момент на нее смотреть».

И пусть он понятия не имел, где сейчас Дафна, он ощутил себя гораздо ближе к ней.

* * *

Каково это – быть девочкой, которая выжила?

Двадцать два года назад из стоявшего на отшибе сарая вынесли живое тело, но, пусть даже оно продолжало дышать, а сердце в нем – биться, часть его все равно умерла. Изначальную обительницу выселили, и с тех пор она облетала ближайший лесок в поисках душ, принадлежавших тем ныне опустевшим могилам, чтобы воссоединиться с единственными друзьями, которые могли ее понять. Но все они ушли в мир иной, а она – нет.

На ее месте остался подменыш. Я. Эта другая я была чем-то втиснутым в сосуд, который оно не имело права занимать. Оно так привязалось к мясу, в котором обитало, что начало думать, будто здесь ему и место, хотя в глубине души знало, что оно – чужак, захватчик, что его сюда не приглашали, но оно все равно здесь поселилось, как будто сквоттер в заброшенном здании.

Я не должна была занимать это тело.

Я не должна была жить этой жизнью.

Я не должна была думать эти мысли.

Я не должна была терпеть это преследование, которое настигает меня, как бы часто я ни меняла телефоны, чтобы избавиться от его холодного, мертвого голоса.

И, пусть снаружи они по большей части зажили довольно неплохо, у меня не должно было быть этих шрамов.

А если и должны были, то у них не должно было быть корней, проросших вглубь меня и пробившихся на какую-то другую сторону, которую нельзя увидеть, а можно только почувствовать.

* * *

Народная мудрость гласит: «Ты что-то потерял? Вспомни, где ты видел это в последний раз, в каком месте оно было совершенно точно».

Когда Таннер думал об этом, то приходил к единственному выводу: последнее место, в котором Дафна была собой, – это сарай Шейверса. Туда внесли изначальную версию Дафны Густафсон, незаклейменную, такую, какой она родилась, а к тому моменту, как ее оттуда вынесли, она изменилась, преобразилась, и из осколков, оставшихся в этой сломанной маленькой оболочке, сформировалось зерно кого-то другого.

Ей было всего шесть. Этого не должно было случиться. Таннеру тогда едва исполнилось двенадцать, и даже в этом возрасте он понимал, что такого никогда не должно случиться.

До Форт-Коллинза было меньше часа, но дорога в прошлое исчислялась десятилетиями. Конец тупиковой улицы, называвшейся Черри-драйв, в трех кварталах от дома, где они выросли, – Таннер не возвращался сюда с тех самых пор. Последний дом справа стоял пустым, с заколоченными дверьми и окнами, уже больше двадцати лет – дом, который не мог продать ни один риелтор. Он оставался таким же уединенным, как и прежде, – удобство, за которое покупатели с радостью бы доплатили, но не в случае, когда им придется делить жилье с призраками детей.

Тогда стояло лето, теперь – осень. Дубы были сочно-оранжевыми, клены – пламенно-красными, березы – кремово-желтыми, а морозный воздух между ними был напитан

золотым светом позднего дня. Он кусался мягко, предвещая приход зимы с ее ледяными зубами.

Лужайка заросла не так сильно, как ожидал Таннер. Время от времени кто-то ее подстригал – возможно, власти города, поддерживая более-менее приличный вид. А может быть, сбежавшая в новую неприметную жизнь Терри Шейверс возвращалась, чтобы исполнить свой долг перед этим домом, от которого не могла избавиться. Это были два этажа чьей-то американской мечты, построенные полвека назад, а теперь запечатанные, словно капсула времени, и разрисованные граффити, оставленными неутихающим коллективным гневом.

На заднем дворе Таннер обнаружил, что в сарай кто-то вламывался – впрочем, с улицы его было не видно и помешать этому никто не мог. Он навсегда останется притягательным – проклятым местом из здешних легенд. То, что в нем происходило, ужасное само по себе, в пересказе станет только хуже. Будь Таннеру шестнадцать, он, возможно, тоже бы выломал доски и замки – если бы у него не было никаких связей с этим местом, а было только нездоровое любопытство.

Кому-нибудь следовало снести сарай еще поколение назад, но никто так и не пришел сюда с ломами и кувалдами, чтобы это сделать. Так он и стоял, тихий, похожий на маленькую хижину из обветренного кедра, и его двойные двери без стекол были вечно распахнуты, подбивая ступить внутрь и замарать свою душу.

Все, что не являлось частью самой постройки, давно уже пропало. Пол был кирпичный – из того же кирпича, что и печь, которая вытянулась вдоль задней стены и напоминала яму для барбекю. Встроенный верстак выжил, как и панель для инструментов, прикрученная к боковой стене. На дальней стене остались примитивные полки – параллельные деревянные доски с промежутком между ними, куда можно было положить молотки, пассатижи, ножницы. Все остальное уже много лет назад вывезли как улики или растащили. По углам скопились мертвые листья, над ними висела паутина. Когда Таннер поддел ботинком одну из валявшихся на полу смятых пивных банок, она со звоном прокатилась по пятну втоптанного в кирпич сигаретного пепла.

Здесь граффити было еще больше – слои мыслей, которые годами оставляли на стенах скучающие детишки. О тех, кого они ненавидели, о тех, кого любили. Попытка призвать духов обитала рядом с чьим-то заявлением, что Уэйд Шейверс гниет в аду.

Таннер поднял руку, провел пальцами по центральной балке и нашел четвертьдюймовое отверстие, оставшееся от крюка, куда Шейверс подвешивал лебедку, с помощью которой добивал детей. Двадцать два года назад он как раз поднял Дафну с пола и закрепил веревку, когда к дому подъехала полиция. Если бы они опоздали всего на пару минут...

Шейверс признался, что на этом этапе всегда затыкал детям рот клепом. Но все равно Дафна издавала такие звуки, что копы выломали дверь. Шейверс не сопротивлялся. Он просто отложил молоток с круглым бойком на верстак и поднял руки, а Дафна тем временем висела, подвешенная за запястья, избитая, истекающая кровью, с содранной кожей, задыхающаяся из-за ветоши, засунутой ей в рот.

На суде полицейские говорили, что Шейверс умолял их дать ему довести дело до конца. Это будет милосердно, говорил он... и самым худшим, о чем только мог вспомнить Таннер, было то, что за последующие годы он не раз слышал, как Дафна в мрачайшие моменты своей жизни заявляла, будто Шейверс был прав и они должны были позволить ему взмахнуть молотком, прежде чем заковать в наручники и увезти, – последнее свободное деяние в его последний свободный день на земле.

Таннер присел перед печью – ее железная дверца перекосилась, а отверстие в грязной кладке походило на рот, прямой снизу и полукруглый сверху. В сарае было темно, но не настолько, чтобы Таннер не смог разглядеть почерневшие от сажи кирпичи. Оттуда выскребли все, что могло пригодиться экспертам, но отчистить печь они бы никогда не смогли.

Эту часть истории не знал никто, о ней не говорилось на суде, потому что Шейверс об этом никогда не упоминал, а Дафна вспомнила лишь десять лет спустя, под гипнозом.

Таннер потянулся внутрь, медленно, словно опасаясь, что его что-то укусит. Воздух внутри казался странно холодным, холоднее, чем в самом сарае, холоднее, чем должен был быть даже в солнечный осенний день.

А потом он отдернул руку так же быстро, как если бы обжегся, потому что услышал стук в открытую дверь.

* * *

До гипноза я не помнила о том, как Уэйд Шейверс заставил меня встать на четвереньки, чтобы он смог затолкнуть мои голову и плечи в кирпичную печь.

В первый раз это воспоминание вывело меня из транса, потому что тогда, в шестнадцать лет, я уже знала, что одного из нас он сжег. Я сегодняшняя слилась со мной тогдашней и испытала животный ужас, переживая это снова, но теперь зная, что в этой почерневшей полости меня окружают следы Броди Бакстера. Там до сих пор лежал пепел, скорее всего оставшийся от него. Часть запекшейся на стенках корки, должно быть, была обгоревшим жиром. Я наверняка вдыхала его молекулы.

И дело не в том, что Уэйд Шейверс был больным чудовищем. Это был не очередной способ, которым он решил помучить меня. Если бы дело обстояло так, он бы наверняка уже рассказал мне, что произошло в этой печи. Я помню, как думала, что он, должно быть, такой же, как ведьма из сказки про Гензеля и Гретель, и умоляла его не жарить меня. Если бы Шейверс хотел напугать меня еще сильнее, ему всего лишь нужно было дать мне понять, что такая возможность существует.

Но на самом деле он нуждался в... стороннем мнении?

«Скажи мне, что там. Скажи мне правду, и я позволю тебе вылезти».

«Тут воняет!»

«Это я уже знаю. Это кто угодно скажет. А еще что?»

Я не знала, какой ответ будет правильным, а какой – нет, и не знала, что вообще он хочет услышать и не подумает ли он, что я вру, потому что...

Потому что как может печь быть такой холодной в середине лета? Не вся, даже не большая ее часть, всего лишь одно место у задней стенки. Здесь слишком темно, а значит, это не огонь, но оно все равно обжигает. Начинает казаться, что я прижалась щекой к кусочку льда или к флаштоку в зимний день, и щека онемела. И я не просто прилипла, как если бы лизнула флашток; оно оттягивает мою кожу – так бывает, если приложить руку к шлангу пылесоса без насадки, – а когда я поворачиваю голову, чтобы оно перестало жечься, мне приходится зажмуриться, потому что иначе оно высосет мне глаз.

И я знаю, что плохой дядя никуда не делся, я чувствую его тяжелую руку на пояснице и большую потную ладонь с растопыренными пальцами на спине. Каждый палец – словно ветка, проросшая в мои кости, чтобы удержать меня на месте. Но я больше не слышу его. Моя голова теперь так далеко, что сзади до ушей не доносится ни звука. Я едва слышу, как дышу, или плачу, или пытаюсь объяснить ему, каково тут, в печи. Здесь так тихо, что тишина сама превратилась в звук и заглушает все остальное, и я боюсь, что если он продержит меня здесь еще немного, то сначала улетит мой глаз, а за ним последует и все остальное, словно большая и длинная нитка спагетти. То, что скрывается здесь, внутри, меня проглотит.

Я не хочу, чтобы это случилось, не хочу туда. И при этом... хочу. По крайней мере, возможно, что тогда я попаду в место, где мне больше не будут делать больно. Но вдруг мне там не сделают больно только потому, что там нет никого, вообще никого, а это может оказаться еще хуже.

А потом он выдергивает меня из печи и смотрит на мою щеку, удивленный: что это, откуда оно взялось?

«Я буду хорошей, – вот что я ему говорю. – Я не хочу, чтобы меня жарили. Я буду хорошей».

Он смеется так, что это не похоже на смех.

«Не бойся. Я больше не могу разжечь там огонь. Даже когда просто хочу согреться. С тех пор, как... Это он его задувает. Но все хорошо. Мы можем заняться другими вещами».

И мы ими занялись.

Когда я сидела в безопасности, в одном из уютных кресел доктора Ганновер, и воспоминания вернулись ко мне свежими, отмытыми от грязи, сажи и пепла, я поняла, что Уэйд Шейверс, должно быть, делал это с каждым из нас, кого похитил после Броди. «Ну-ка, полезай туда». Что, во имя тварного мира, оставил там после себя этот странный паршивец?

* * *

На мгновение он и стоявшая в дверях пожилая женщина застыли, глядя друг на друга, и Таннер ощутил вину за то, что его застукали на месте преступления – каким бы оно ни было. Может ли это считаться проникновением со взломом, если двери уже были распахнуты?

– Ты ведь мальчишка Густафсонов, да? – спросила она наконец.

Он не ожидал, что его узнают. Родители увезли их отсюда через несколько месяцев, за восемьдесят миль от Черри-драйв.

– Раньше был, да.

– Я – миссис Рэмсиджер. Живу через дом, на той стороне улицы. Я увидела тебя в окно. Но ты не похож на обычных поганцев, которые тут ползают. Так что я решила сначала заглянуть сюда, прежде чем снова вызывать полицию.

Она была одета в джинсы и мешковатую футболку и, хотя кожа ее огрубела и покрылась морщинами, а волосы стали белыми как снег, выглядела здоровой и подтянутой – одна из тех женщин, которые не намерены расставаться с садовой лопаткой, пока кто-нибудь не вытащит ее из их холодных мертвых пальцев.

– Ты меня, наверное, не помнишь. Я смотрела, как вы растете, когда проезжала мимо вашего дома по пути сюда. А на Хеллоуин вы с целой толпой приходили к нам за конфетами.

Из прошлого, спотыкаясь, выбрали воспоминания: средних лет семейная пара, которой Хеллоуин и раздачи сладостей были настолько по душе, что каждый год она устраивала огромную выставку тыкв, картонных надгробий и висевших на деревьях призраков. Ни один ребенок не мог устоять перед таким приглашением, и награда за это всегда была первоклассной.

– Я помню, – ответил Таннер. – Значит, вы так отсюда и не уехали? Большинству людей не захотелось бы, проснувшись поутру, видеть через дорогу этот дом.

Миссис Рэмсиджер провела рукой, тонкокожей и покрытой венами, по дверному косяку.

– Мы с мужем говорили о переезде. Но решили, что с тех пор, как это место опустело, оно нуждается в присмотре больше, чем мы нуждаемся в побеге от него. С нашим-то домом все в порядке, так с чего бы нам позволить *этому* нас выселить?

Она посмотрела на землю.

– В первые несколько лет я постоянно срезала цветы и приносила сюда. Укладывала их рядом с дверью и еще там, где кончается двор и начинается лес. Наверное, не стоило мне бросать эту привычку.

Она снова подняла взгляд и посмотрела на лес вдаль, словно там все еще оставались могилы.

– Они до сих пор заслуживают цветов, тебе не кажется?

– Не знаю. Наверное, мертвым проще отпустить прошлое, чем живым.

– Будем надеяться, что это так. – Она похлопала себя по груди; из-под футболки донесся глухой стук. – Я и мое сердечко. А вот ты... Не знаю, издалека ли ты приехал, но тебе точно не просто улицу нужно было перейти, чтобы сюда добраться.

Она посмотрела на него, не моргая и не ожидая ответа, просто даря ему слегка печальную улыбку: улыбку женщины, которой хотелось бы, чтобы ее воспоминания были лишь слегка грустными – воспоминания о том, как она дарила конфеты детям, которые просто выросли и уехали, не чувствуя нужды возвращаться.

– Не спеши. Проведи здесь столько, сколько тебе нужно. А потом я посмотрю, не найдется ли у меня немножко цветов для... тех, кому они могут быть нужны. На случай, если кому-то станет легче, когда они поймут, что их не забыли. Что за них до сих пор молятся, если им это важно. Да даже если и не важно.

– Спасибо вам, – прошептал Таннер. – Я расскажу ей об этом, когда увижу.

Слово «если» он выговорить не смог.

Когда миссис Рэмсиджер оставила Таннера одного, ему захотелось, чтобы данное ею обещание что-то значило, что-то большее, чем само это действие: выбрать несколько цветков за их красоту, перерезать стебли, отделяя от того, что питало их, а потом бросить у двери, когда-то скрывавшей убийства детей, чтобы цветы увяли, побурели и сгнили, и никто об этом не узнал, и ничего от этого не изменилось.

Таннер снова уселся на корточки возле печи и засунул в нее руку, шаря в пустоте. Ладонь обдало холодом, и что-то слабо потянуло за кожу.

Дафна рассказывала об этом ощущении десять лет спустя, но он ей не верил. Из-за того, что эти воспоминания пришли к ней под гипнозом, они всегда казались ему подозрительными – памятью, приклеенной на место с помощью внушения; возможно, это вообще был какой-то другой случай, который годы связали с тем, что она пережила здесь. Он верил, что Дафна в это верила, и этим ограничивался.

Если Уэйд Шейверс не мог разжечь огонь в печи, дело было в его криворукости. А не в том, что кто-то или что-то этот огонь задувало.

И все же кусочек тех дней сохранился здесь до сих пор.

Если все действительно происходило так, как рассказывала Дафна, это могло объяснить одну вещь – не как она появилась, но хотя бы что это такое. Тем летним днем, когда ее вынесли из сарая живой, у нее на щеке был ожог размером с монету, красный и вздувшийся. Они думали, что это след еще одной пытки, которой подверг ее Шейверс, – например, раскалил круглый боек молотка с помощью пропановой горелки и использовал его как клеймо.

Только в следующие дни пятно повело себя не как тепловой ожог. Оно почернело и в конце концов слезло, обнажив под собой заживающую розовую кожу.

Врачи в больнице сказали, что это было похоже на обморожение.

С одной стороны приземистой печи торчал рычаг, железный с деревянной ручкой. Сейчас он был поднят – это значило, что дымоход открыт. Таннер давил на него всем весом, пока ржавчина со скрежетом не поддалась и вьюшка не закрылась, отрезая трубу.

Он собрал несколько горстей хрупких осенних листьев, сложил их внутрь и поджег зажигалкой. Они пылали и сворачивались, пока, наконец, не осталось ничего, способного гореть. Дым, который не мог уйти через дымоход, должен был остаться внутри, и поначалу так и было... но потом Таннер увидел, что он все равно рассеивается, исчезая в какой-то точке в середине топки. Дым медленно уплывал вглубь, словно его что-то затягивало, словно кто-то показывал фокус с сигаретой. На мгновение Таннер увидел, что это было – сфера величиной с желудь, размытая и нечеткая по краям, но более очевидная в центре – а затем, вместе с остатками дыма сгоревших листьев, она скрылась из виду.

Но он все еще чувствовал ее. Холод никуда не делся.

Теперь он верил, и не только в ее существование, но и в то, что раньше она была сильнее. Он верил, что она оставила на Дафне свой след, вечное клеймо, рану, которая пыталась зажить, но так и не смогла до конца излечиться от холодного, сухого, тянущего прикосновения сферы.

Его сердце сжималось при мысли о том, что внутри Дафна ощущала это притяжение с тех самых пор.

* * *

Я из тех покупательниц, которых обожают производители косметики: они никак не могут нам помочь, но мы все равно возвращаемся. Пока жива надежда, будут и платежи по банковской карте.

Это круглое пятно сухой кожи на левой щеке, там, где я заработала обморожение в печи Уэйда Шейверса... нет таких увлажняющих кремов, лосьонов или гелей, которые могли бы смягчить его, разгладить и сделать пухлее. Оно смеется над маслом ши. Оно поглощает петролатум. Оно проглатывает продающиеся по сотне долларов за унцию эксклюзивные кремы, которые синтезируются из центрифугированных стволовых клеток, взятых у специально выведенных девственниц чистейшей атлантской крови, и говорит: «Вкуснятина! А еще у тебя чего есть?»

Оно со мной с тех самых пор. За два десятка лет ничего не изменилось. Все остальное зажило так хорошо, что к тому времени, когда я перестала быть нимфеткой, я уже могла носить бикини, и вам пришлось бы долго присматриваться, чтобы увидеть то, что осталось от шрамов.

Но оно сохранилось. Это дурацкое сухое пятно размером с пятицентовик, оставленное холодным шаром, который я не могла увидеть, а только почувствовала. Масляные фабрики пубертатного периода его не уstraшили. Это шрам, о котором забыло время.

Благодаря ему я впервые услышала слово «психосоматика». Но гипноз оказался столь же неэффективным лечением, как и все остальное.

Пятно помнит.

Мне говорили, что Уэйд Шейверс старался не оставлять следов на лицах пленников-детшек. Все, что ниже шеи, было для него законной добычей, и в паре случаев он пробивал затылок, но красивенькие личики ему портить не хотелось. Это, видимо, доказывает, что даже у чудовищ бывает чувство эстетики.

До тех пор, пока я не могу с ним справиться, это проблемное пятно – мой триумф над ним. Я смеюсь последней, Уэйд. Видишь? Ты облажался и оставил отметину. Узри мою чешуйчатую кожу, уебок поганый, и отчайся.

Третья фаза

Конечно, кажется, словно тут природа хочет искоренить человеческий род, как вещь ненужную для мира и портящую все сотворенное.

Леонардо да Винчи⁵

Мы познакомились на йоге. Обычное дело.

Позже я говорила себе, будто это была моя идея, будто я наконец-то решила пойти на йогу после того, как столько лет планировала это сделать, – и это правда. Я всегда думала, что йога должна мне помочь, если только я соберусь ею заняться. Кое-что в теле – мышцы и суставы – всегда казалось слишком напряженным: я винила в этом травмы, полученные в тот день в сарае; мне вообще было очень удобно сваливать все на сарай.

Даже я сама замечала, что чрезмерно полагаюсь на это объяснение. На то, с чем никто не может поспорить. Когда у тебя есть оружие, мгновенно обесценивающее чужую позицию, ты на него подсаживаешься, как на своего рода эмоциональный «Оксиконтин». Извини, мама, я не могу сегодня сделать уборку. Сарай, сама знаешь. Прошу прощения, я не могу справиться со стрессом от выпускных экзаменов на этой неделе. И нельзя же от меня ждать, что я удержусь и не позабавлюсь с твоим парнем. Опять же – сарай. Прости, но я не могу ответить тебе такой же сильной любовью. Не могу сегодня прийти на работу. Не могу сдержать обещание быть верной. Не могу выйти из запоя в этом месяце. Это все тот чертов сарай, разве вы не понимаете?

А знаете что? Пусть сарай сходит нахуй хотя бы разок, хорошо? Может, я просто родилась неповоротливой, вот и все. Итак, йога. Наконец-то йога. Вы только посмотрите на меня – беру инициативу в свои руки, вся такая, елки-палки, активная.

Но, с другой стороны...

В моем случае всегда есть какое-то «но». На самом ли деле это была моя идея? Не могло ли выйти так, что мне ее подкинули, а я приписала ее себе?

«Йога для чайников, версия для неуклюжих». Неужели мои преследователи не могут дать мне свободу хотя бы в этом?

Курсы йоги похожи на любое место, куда ты возвращаешься раз за разом. Проведя некоторое количество занятий за изображением собаки мордой вниз, крокодилизированием и недобрыми мыслями о собственных мышцах, перестаешь заикливаться на себе и начинаешь замечать постоянных посетителей. Замечаешь одни и те же несчастные лица. Кого-то ты игнорируешь, и вы оба знаете, что так будет всегда, и это нормально.

А вот другие... Что заставляет тебя снова и снова поглядывать на них? Что заставляет тебя думать: хм-м, кажется, я хочу с ней познакомиться? Что убеждает тебя, будто нормально встретиться с ней взглядом, побуждает улыбнуться, зная, что это не будет истолковано превратно и что никто ни к кому не клеится? Этакое «намасте» – страдающая дура на моем коврик приветствует страдающую дуру на твоём.

Затем вы перекидываетесь парой слов после занятия, после чего, наконец, из твоего рта вылетает нечто такое, чего ты не ожидала произнести вслух никогда в жизни: «Может, выпьем по чашечке масалы?»

Кто вообще так разговаривает? Видимо, люди, занимающиеся йогой. Такие, какими я их представляю, – пусть даже после этих слов я почувствовала себя маньячкой-аутисткой, которая пытается сойти за свою, повторяя фразы, услышанные в чужих разговорах.

⁵ Перевод А. М. Эфроса.

Вот как мы познакомились с Бьянкой. Я не могла объяснить, почему меня так к ней тянет – с такой силой, что даже неловко; в детстве меня за подобное задрознили бы друзья: «Тили-тили-тесто, Дафна с Бьянкой вместе чай распивают, РАЗ-ГО-ВА-РИ-ВА-ЮТ». Поддайся желанию хоть раз, решила я, – а Бьянка уже сидела в кафе, как будто наша нарождающаяся болтовня была самой естественной вещью в мире.

Между первыми глотками мы жаловались друг другу на то, каково быть неповоротливыми девицами в гибком мире Барби-йогины, а уже через пять минут я знала все об аварии, в которую Бьянка попала, когда ей было восемнадцать. О себе я не распространялась. С такой шутики, как сарай, знакомство не начинают.

Намного легче было признаться ей, что я всегда хотела выглядеть как она. Те несколько попыток покрасить волосы в черный? Ни разу их результат и близко не был похож на то, что от природы ниспадало с головы Бьянки. Ее кожа, этот светлый, сливочно-коричневый оттенок? Хочу. А от зависти к чужим сиськам я к тому времени уже почти избавилась, о да, но было время...

Бьянке хватило такта, чтобы отшутиться и ответить мне тем же – сказать, что это меня генетика одарила всем, что она, взрослея, держала за идеал. Блондинка? Да. Глаза голубые? Да. Худая? Да. Высокая? Ну, это же все относительно, верно?

– Мы всегда хотим того, чего у нас нет, – сказала она мне. – Готова поспорить, ты ни разу в жизни, молясь, не говорила: «Спасибо тебе, Господи, что сделал меня валькирией».

Боже, эта женщина умеет льстить.

И, наверное, хорошо, что я унялась тогда, когда унялась, не сообщив в подробностях о том, как сильно мне понравились ее бедра, ее широкие, мягкие бедра, потому что ни одной женщине не положено мечтать о бедрах побольше. Но Бьянка казалась сильной, вот в чем было дело. Мне нравилось, насколько сильной она выглядит – словно женщина с картины Фрэнка Фразетты в одном из артбуков Аттилы. Так, будто с помощью своих рельефных, похожих на лошадиные, ляжек она могла бы пинком отправить Уэйда Шейверса в полет сквозь стену.

И все же, при всех наших различиях, в ней чувствовалось нечто столь знакомое, что я знала – если не пушусь за этим в погоню, буду потом жалеть всю жизнь. Опять же – что заставляет тебя уставиться на человека на тротуаре или на другой стороне людной комнаты и подумать: «Вот он. Вот этот человек. Этот незнакомец, так непохожий на всех остальных, кажется чем-то большим».

Кто-то назвал бы это феромонами. Кто-то – влечением. Слиянием флюидов.

Я в данном случае назвала бы это ебаной жуткой манипулятивной судьбой.

К тому времени, как остаток масалы остыл на дне наших чашек, я начала понимать, в чем тут дело.

– Ты мне кое-кого напоминаешь, – призналась я Бьянке. – Кое-кого из очень далекого прошлого. Ты первая, кто мне о нем напомнил.

Бьянка выглядела так, словно не знала, быть ей польщенной или насторожиться, но готова была предоставить мне кредит доверия. Должно быть, она думала, что речь идет об учителе, старом друге или любимом кузене, с которым я давно не общалась. «Кого?» – спросила она.

– Его звали Броди. Броди Бакстер.

Называть его имя было рискованно. Все мы, дети сарая, долго мелькали в национальных новостях, хотя мое имя в те недели буйства прессы не называлось, потому что: а) ребенок, б) выжившая и в) никто на таком раннем этапе не мог быть уверен, что у Уэйда Шейверса нет большого подражателя, готового выползти из-под какой-нибудь поленницы, чтобы меня добить.

Но Броди? Теоретически Бьянка могла о нем вспомнить. А если бы вспомнила, у нее было бы полное право испугаться. Однако – кто не рискует, тот не пьет шампанского, верно?

Его имя ничего ей не сказало. Просто ожидала она совсем не этого.

– Парня? Я напоминаю тебе какого-то парня? – Голос у нее был изумленный и немного разочарованный.

– Он был мальчиком. Маленьким мальчиком, очень особенным. Его родители не знали, как с ним быть. Он вечно говорил о самых необычных вещах. Как будто не вполне принадлежал этому миру.

Похоже, мои слова попали в цель и что-то для нее значили. Прекрасные темные глаза Бьянки расширились – даже зрачки, – как будто на каком-то животном, необходимом для выживания уровне она знала, что должна внимательно выслушать все, что будет сказано дальше.

– У Броди была потрясающая аура. Очень похожая на ту, что окружает тебя.

– Что с ним стало?

Я провела рукой по столу и накрыла ее ладонь, и в этот момент Бьянка стала моей; на ощупь она была потрясающей – мне кажется, подобное можно было бы ощутить, если одновременно погладить льва, единорога и гигантскую секвойю.

– Он был слишком хорош для этого мира. Слишком чист, что ли. Поэтому он ушел, – сказала я. – И оставил после себя маленькую круглую дыру.

* * *

Вызов поступил через час после рассвета – прежде, чем Таннер был к нему готов, но выбирать, когда людям попадать в неприятности, он не мог. Скалолаз по имени Джош Козак занимался свободным лазанием в неприветливой двухмильной расселине, известной под именем «каньон Коттонвуд», и застрял на песчаниковом карнизе шириной в два скейтборда. Выше подняться Джош не мог, а поскольку на карниз он перескочил, то, оказавшись на нем, не был уверен, что сумеет безопасно спуститься вниз. Если бы он спрыгнул и не сумел ухватиться за узкий каменный выступ, его бы ожидало падение на камни с высоты двухсот шестидесяти футов.

Хладнокровие покинуло его, и телефон тоже. Джош выронил его прежде, чем сумел вызвать помощь, чем обрек себя на ожидание до тех пор, пока мимо не прошла парочка туристов, до которых он смог докричаться уничтоженным жадой голосом. Он просидел там половину позавчерашнего дня, весь вчерашний и две ночи.

На то, чтобы осознать ограниченность своих возможностей, ему ума хватило. Зато он натворил глупостей во всем остальном – влип в передрыгу без веревки и спутников, да еще и не сказав никому, куда собирается.

Таннер отправился за ним с тремя напарниками, несколькими сотнями футов веревки, дополнительными обвязкой и шлемом, а также несколькими фунтами еды, воды, медикаментов и всего того, что еще могло им понадобиться. Они знали, где он, знали эту стену. Джош застрял ближе к вершине, чем к основанию. Быстрее и проще было добраться до него сверху, чем подниматься снизу.

Они подлетели к каньону на вертолете и за полмили до места приземлились на ровном участке, где высадили Камиллу, которая должна была пройти остаток пути пешком, сообщить Джошу, что они прибыли, и объяснить, чего ожидать в ближайшие полчаса. Пока она добиралась до него, они снова поднялись в воздух и обогнули каньон по дуге, приблизившись к нему с другой стороны, чтобы воздушный поток от лопастей не попадал на стену.

Они приземлились на вершине, на плоском и голом куске каменистой земли в сорока ярдах от обрыва, настолько близко к росшим у края низкорослым сосенкам, насколько готов был это сделать пилот. Он выключил турбины, и вокруг сомкнулась первобытная тишина. О более идеальном дне и просить было нельзя. Чистое темно-синее небо, солнце стоит так

высоко, что не дает бликов, дождя не предвещается, а ветер лишь изредка превышает пять миль в час.

Высидевшись, Таннер и двое его напарников закрепили веревки на паре лебедок, приделанных к борту вертолета. Они подошли к краю, миновав редкую цепочку искореженных стихиями сосен, чьи стволы за десятилетия роста на ветру закрутились штопорами. Таннер и Шон, второй скалолаз, которому этим утром предстояло заниматься поднятием тяжестей, подтащили веревки к обрыву и спустили их вниз, по обе стороны карниза – обиталища Джоша на протяжении последних сорока четырех часов.

Посмотрев вниз, они увидели в девяноста футах под собой его макушку. Когда они крикнули, что спустятся через несколько минут, Джош поднял голову, и стало видно, что лицо у него кирпичного цвета.

Сорок четыре часа с обгоревшей под солнцем кожей на этом карнизе не могли на нем не сказаться. Выспаться как следует он бы не сумел – в лучшем случае время от времени улучал несколько мгновений. Из еды у него с собой был разве что энергетический батончик. Вода, скорее всего, закончилась быстро, а при таком сухом воздухе – когда Таннер проверял в последний раз, влажность составляла двадцать четыре процента – к сегодняшнему рассвету он, должно быть, готов был слизывать росу с камней. Если мозг как следует просушить, он начинает выкидывать странные вещи; обезвоживание открывает двери помрачению рассудка.

Таннер отошел от края и вызвал по рации Камиллу, стоявшую у подножья стены.

– Мы готовы спускаться. Что скажешь об этом парне? Он в здравом уме?

– Более-менее в здравом, – ответила Камилла. – Но... Он спрашивал о тебе. Называл тебя по имени.

– Что?

– Он кричал мне, не ты ли будешь за ним спускаться. Таннер Густафсон. Он знал, как тебя зовут. Не спрашивай откуда.

– И ты точно в этом уверена. – Голос Таннера звучал напряженнее, чем ему бы хотелось. Он ведь должен был быть скалой, на которую все опираются. – Ерунда какая-то.

– Расспроси его, когда снимешь с карниза. Может, все проще, чем ты думаешь.

– Репутация тебя опережает, – ухмыльнулся Шон и похлопал его по плечу. – А как же «главное – команда», мужик? Я думал, у нас тут рок-звезд не бывает.

– Иди в жопу. Когда спустимся, я имею в виду. Тогда иди в жопу.

– В какой же нездоровой обстановке приходится работать, честное слово.

Таннер закатил глаза.

– Как пожелаешь. Иди в жопу сейчас.

– Ты уверен, что сможешь сегодня поднять такую тяжесть? Этого чувака, да еще и свое эго в придачу?

Они прицепили веревки карабинами к обвязкам и заправили их в тормозные устройства, чтобы держать спуск под контролем, а когда понадобится – остановиться. Надели перчатки, затянули шлемы, сделали серьезные лица. А потом спиной вперед шагнули за край и начали, отталкиваясь от стены, плавно спускаться по веревке по несколько футов зараз.

«Он спрашивал о тебе. Называл тебя по имени». Это озадачивало, но Камилла наверняка была права. Объяснение окажется простым. Например, когда-то давно они выручили из беды друга Джоша. Или Джош читал про Таннера в какой-нибудь новостной заметке. Или приходил к нему на семинар – важной частью работы Таннера, как директора поисково-спасательной службы Скалистых гор, были мероприятия по технике безопасности – и ему было стыдно признаться, что он проигнорировал элементарные правила. Например, «не будь тем идиотом, который никому не рассказывает, куда едет».

Полпути пройдено. Справа от него Шон осторожно обогнул выступ, напоминающий хищный зуб, и продолжил спуск.

С другой стороны, кому после сорока четырех часов вообще будет дело до того, кто за ним придет, если помощь уже в пути? Может быть, так у Джоша проявлялось помрачение рассудка: в виде одержимости незначительными деталями.

Осталось десять футов.

– Потерпи, Джош. Просто не двигайся с места еще пару минут. Ты отлично держался все это время. Еще пара минут, и все будет в порядке, братишка.

Они уже могли разглядеть его как следует. Даже с обветренной и обгоревшей кожей и потрескавшимися губами он выглядел так, словно еще не перевалил за третий десяток. Коротко стриженные волосы – чуть длиннее, чем двухдневная щетина на подбородке. Кончики пальцев Джоша были ободраны и покрылись коркой.

– Посиди там еще немножко, а потом мы сделаем вот что...

Блядь. Он встал. Джош встал, а они еще не подобрались настолько близко, чтобы его поймать.

– Ладно, – сказал Таннер. – Будем работать с этим.

Вообще-то Джош должен был то садиться, то вскакивать все проведенное здесь время, пытаясь найти удобное положение. Но это не имело значения. Видеть, как он поднялся сейчас, все равно было страшно. Это значило, что он не слушает. Когда помощь оказывалась так близка, люди иногда теряли терпение и пытались ускорить ход дела, словно утопающие, которые цепляются за спасателя и утягивают его за собой под воду.

Таннер зафиксировал веревку, Шон сделал то же самое. Первым делом они должны были убедиться, что Джош ясно соображает, что он неожиданно не бросится на кого-нибудь из них, как только они окажутся в пределах досягаемости. Такое случалось. Человек, который провел в страхе слишком много времени, прыгает и хватается за колени спасателя, и вот тогда ситуация становится *по-настоящему* напряженной.

– Мне нужно, Джош, чтобы ты стоял совершенно неподвижно. Понимаешь?

– Ты – Таннер, да? – спросил парень.

– Верно. А этот здоровяк справа от меня – Шон. И пока ты будешь стоять совершенно неподвижно, он спустится к тебе и наденет на тебя обвязку. Хорошо?

– Ты брат Дафны? Ее ведь так зовут, Дафна? Я правильно помню?

Таннер замер, держа руку на тормозном устройстве, и поймал взгляд Шона. «Это что-то новенькое». А Шон, возможно, поймал его взгляд. «Что вообще происходит?»

– Поговорим о ней позже, хорошо?

– Нет... Думаю, нам лучше поговорить о ней сейчас. – Голос Джоша превратился в сухой хрип, его даже слушать было больно. – Я ее не знаю. Но те, кто со мной говорит, знают. Они... они хотят, чтобы ты оставил ее в покое. Они хотят, чтобы ты перестал искать. Она должна выполнить свою работу.

Таннер понятия не имел, что на это ответить. Он висел в двухстах шестидесяти футах над землей, полностью онемев. Он должен был быть скалой. Тем, кто всегда знал, что делать. Но здесь главным был вовсе не он.

А это растерянное выражение ему уже случалось видеть на чужом лице.

– Сколько я здесь провел?

– Больше сорока часов. Достаточно долго, – ответил Шон. – Мы сможем все это обсудить после того, как...

– Нет, этого не может быть. – Джош яростно растирал подбородок и щеки. – Отсюда видно так много. По ночам небо распахивается, и можно понять, насколько ты на самом деле потерян. Кажется, словно прошли... целые жизни.

Таннер снова обрел голос и, хотя знал, что не должен об этом спрашивать, все же не смог удержаться:

– Кто с тобой разговаривал? Кто они такие?

Шон снова взглянул на него: «Что ты делаешь? Не подыгрывай ему, мужик. Не поощряй его».

– Те, кто странствует по паутине. Те, кто рожден бездной. Рожден... – Джош, судя по всему, нашаривал слово так же яростно, как его ободранные пальцы, должно быть, нащупывали непрочную опору. – Гинугангапом. Они говорят, что недавно с тобой уже встречались. Но сосуд оказался несовершенным. И слабым.

«Потерян», – сказал Джош. Таннер ощущал себя точно так же. Он висел в нескольких сотнях футов над землей, там, где всегда чувствовал себя уверенно, но вместо этого ему казалось, что он вышел из фуги на огромной непроходимой равнине, лишенной солнца и серой, не зная, где восток и где запад, а рядом не было никого, кто мог бы объяснить, где он оказался. Он был потерян.

– Они хотят, чтобы я стянул тебя с веревки. Я сказал им, что, скорее всего, не смогу этого сделать.

Совершенно потерян.

– Поэтому теперь они хотят, чтобы я спросил у тебя, останется ли от меня такое же жуткое месиво, как от него.

Шон среагировал первым, разблокировал тормоз, позволяя веревке уноситься вверх, а сам, отталкиваясь, заскользил вниз, замедляя падение одной рукой и стремительно, резко, отчаянно вытягивая другую. Он успел зацепить плечо Джоша – футболку и немного кожу, вот и все, – но этого не хватило. Джош уже падал вперед, вовне и вниз, в пустоту между карнизом и безжалостными камнями на дне каньона.

И нет, когда он упал, месиво от него осталось не такое жуткое, как от Вала, но по-своему оно было хуже, потому что Таннер сознавал: он должен был раньше сообразить, что происходит.

* * *

Итак, в чайной, во время унизительно штампованных посиделок за масалой после йоги... вот как я обрела свою новую лучшую подругу, Бьянку. Обстоятельства как будто складывались в мою пользу: с моей стороны – чувство узнавания, со стороны Бьянки – ощущение, что ее, быть может, впервые в жизни по-настоящему разглядели. Не только внешность, но и то, что скрывалось внутри нее, в самой глубине, там, где душа переплетается с двойной спиралью ДНК, в пустотах между субатомными частицами, то обретающими, то утрачивающими бытие, пребывающими в двух состояниях одновременно.

Бывают встречи, которые кажутся случайными и неожиданными, и другие, которые кажутся predetermined судьбой, – но это был какой-то новый уровень неизбежности, будто сама Земля пошевелила корой, подтолкнув нас друг к другу. Я часто слышала, что так должна ощущаться любовь, но подобного со мной не бывало, ни разу.

А это? Это было чем-то настоящим. Я просто не понимала почему.

Дома я ничего не рассказывала об этом Валу, потому что знала: он будет всячески одобрять то, что я запала на девочку, а мне не хотелось иметь дело с его подхалимской поддержкой. Он желал мне добра, но только опошлил бы что-то чудесное. Даже самые гибкие йоги на свете аплодировали бы Валу, видя, как он изворачивался, лишь бы я поняла, насколько сильно он обо мне заботится. А если бы он узнал, что моя новая подружка родом из Коста-Рики – боже, он пришел бы в такой восторг, что мне пришлось бы отдирать его от потолка.

Впрочем, все могло быть и хуже. Я могла бы возвращаться домой к кому-нибудь вроде мужа Бьянки. Звали его Грегг, по профессии он был маркетинговым директором, а по натуре – закомплексованным. Он каким-то образом слышал, когда в его имени не произносили все

три буквы «г», а его новейшей и величайшей боязнью было то, что я – лесбиянка, которая метеором обрушилась на их головы, чтобы обратить его жену в свою веру и увести от него.

Увы, логикой такие низкотестостероновые страхи не перебьешь. И плевать, что у меня был мужчина. Или что предыдущего парня, с которым я кувыркалась, звали, черт побери, Аттила, и от него-то как раз все тестостероновые счетчики зашкаливали; мне это в нем нравилось, и я, может, так и осталась бы с ним, если бы его мизантропия не сделалась настолько утомительной. Он реально ненавидит людей. Киски любит, а людей ненавидит. Прости, милый, но тут уж либо одно, либо другое, потому что киски – тоже люди.

Так вот: Бьянка и Грегг? В ту же минуту, как мы познакомились, я поняла, что им осталось максимум пять лет. Семья определенно многое значила для Бьянки, а средоточием этой семьи был прелестный четырехлетний центр притяжения по имени Мэгги, предпочитавший отзывать на Сороку. Но в конце концов Бьянке предстояло принять то, о чем, по-моему, она и так уже подозревала: семья не обязательно должна получиться с первого раза. Ее можно пересобрать из старых и новых деталей. Бросить злобно зыркающего, брюзгливого надоеду Грегга со всеми его тремя «г». Найти себе парня вроде Таннера – а такие бывают, – который сочетает в себе лучшие черты наших прежних, второсортных мужичков, хотя бы пытается не творить херню и всегда будет готов подставить плечо и не судить, когда тебе это понадобится.

Наплевав на опасения Грегга, мы с Бьянкой завели привычку устраивать посиделки после йоги и всегда пили масалу, а порой я ходила вместе с ней и Сорокой на детскую площадку в парке и созерцала дворовых обезьянок в их естественной среде обитания. Весело.

Я была свидетельницей тому, как легко Бьянка общалась с дочерью, как воспитывала ее, не сажая на короткий поводок, и как целовала ссадины, чтобы они быстрее прошли, не устраивая громкой суеты, чтобы ее дочь могла вырасти смелой и уверенной в себе. Наблюдать за этим было привилегией; я словно бы заглядывала под землю и видела, как семя раскрывается, устремляя к солнцу свой потенциал.

«Вот как это бывает, это вовсе не миф, – думала я. – Вот какой бывает хотя бы одна сторона будничной жизни».

Но это же и пугало меня. Я ведь знала, как сильно все может измениться за один-единственный день. Я сидела на парковой скамеечке рядом с Бьянкой и выглядывала в округе неприметных, не являвшихся отцами парней, которые без видимых причин слишком долго смотрели на детей. Мои шрамы ныли, как антенны. Но меня бесила эта паранойя, потому что мужчинам тоже должно быть позволено наблюдать за игрой детворы, наслаждаться ее простой и буйной радостью, без моих подозрений, что кто-то из них замышляет утащить отбившегося от стаи ребенка в свое логово. Было лишь делом времени, чтобы один из них, неважно, невинный или нет, сделал что-то не так, и я узнала бы в нем переродившегося Уэйда Шейверса, сорвалась бы, устроила сцену, и... помнишь, Бьянка, как в день нашего знакомства ты назвала меня валькирией? Так вот, смотри.

Я так запуталась. Бывали дни, когда мне просто хотелось избавиться от страха и паранойи. Я любила эту женщину и хотела заползти между ее мягких бедер, а потом повернуть назад и родиться заново, чтобы она неделю носила меня на руках и качала. Я хотела вновь стать чистым листом, непорочной пустотой, которую Бьянка заполнила бы всем, что знала, всем, что передали ей поколения коста-риканских матерей с широкими ступнями и мудрыми глазами.

А в другие дни? В другие дни мне хотелось перестать маяться хуйней, перестать убегать и начать реализовывать свой потенциал превращения в нечто куда худшее. Что-то явно хотело, чтобы я это сделала. Оно так сильно старалось ко мне пробиться, и я прослушала его послание столько раз, что оно навсегда врезалось мне в память.

Ты должна их убить.

Ты должна их убить ради нас.

Ты должна их убить ради себя.

Ты должна их убить ради своего мира.

Я видела в парке мужчин, ухмылки которых находились на самой грани того, что я считала приемлемым, и поначалу думала, что в послании говорится о них. Если кто и не заслуживал права на жизнь, так это Уэйды Шейверсы нашей планеты, и вот Вселенная наконец-то решила исправить эти ошибки. Неупокоенные души убитых детей собрались вместе и нашли способ связаться со мной. Они хотели, чтобы я отомстила за них. Я у них в долгу, потому что до сих пор жива. Они хотели, чтобы я охраняла то, чего мы лишились, наносила упреждающие удары во имя тех, кто еще жив.

Ты узнаешь их, когда почувствуешь их.

Ты узнаешь их, когда увидишь их.

Ты узнаешь их, когда прикоснешься к ним.

Это должна была быть я. Кто еще, кто больше меня годится для этого? Меня навсегда заклеямило прикосновение девиантов-убийц, которым хватало наглости приносить муки, называя их спасением. Одной мне опыт позволял сделаться меньшим из двух зол.

Ты узнаешь, что рождена для этой цели, когда сделаешь это.

Ты узнаешь зачем, когда это случится.

Их кровь станет залогом твоего бессмертия.

Но с другой стороны, думала я, в такой миссии большую роль должна играть абсолютная уверенность. Не должно было оставаться никаких сомнений, а они переполняли меня. Особенно после того дня, когда я устала мимо Сороки на затаившегося мужика, чей взгляд мне СТОПРОЦЕНТНО НЕ ПОНРАВИЛСЯ, – явного извращенца, при виде которого у меня в голове взвыли все сирены. Если бы мне пришлось в голову забрать с собой один из топоров, висевших на стене у Аттилы, я бросилась бы и разрубила ему череп с полной уверенностью, что ни один суд присяжных в мире не признает меня виновной. «Все нормально, ребята! Я знаю этот взгляд! Я знаю, к чему он ведет, я ведь побывала в сарае!»

А потом он позволил трем детишкам, звавшим его папой, подкрасться и наброситься на него, и сделался совершенно другим. Самый обычный Веселый Папаша, занятый тем, чем обычно занимаются Веселые Папаши.

Мне приходилось нелегко, даже когда я просто думала, что кого-то обидела, и чувствовала себя говном несколько дней подряд. А ошибись в подобном – и обратного пути не будет. «Простите, детишки. Простите, что убила вашего папочку. Он мне кое-кого напомнил. Это не его вина. Но вы молоды, выносливы, и однажды от этого оправитесь».

Нет, это бы меня прикончило.

Единственной, в связи с кем я ощущала полную уверенность...

...была Бьянка.

Я узнала ее, когда почувствовала ее. Я узнала ее отчетливее, когда увидела. Я узнала ее так сильно, как никогда, когда прикоснулась к ней, накрыла ее ладонь своей, сидя за столом в чайной. Я знала, что нашла ту, кого искала, даже не понимая этого.

Кому она могла помешать?

Кто мог желать смерти этой женщине или ожидать, что я ее убью?

* * *

Конечно же, люди, которых они пытались спасти, гибли и раньше. Просто не так.

Таннер никогда не встречал тех, кто решил расстаться с жизнью. Прыгуны, случалось, тоже отправлялись на природу, но прыгуны, которым нужны были зрители, оставались в городах – там, где есть высокие здания и люди.

Но, хотя финал ситуации был очевиден, Таннер вовсе не был уверен, что она шла к этому изначально. Только не после того, что он успел увидеть, услышать, почувствовать на этой неделе.

В какой-то момент в течение этих сорока четырех часов внутри у Джоша Козака что-то сдвинулось. Таннер знал десяток таких Джошей. Два десятка. В детстве их кумиром был Человек-паук, и они его так и не переросли. Они занимались скалолазанием, потому что ничто иное не помогало им почувствовать себя настолько живыми, и им даже в голову не могло прийти вернуться домой и не начать планировать следующий подъем.

Джош не для того отправился в этот каньон, чтобы умереть. Его...

Использовали? По крайней мере, так Таннеру казалось. Нашли, присвоили и использовали. И Вала тоже. А использовав, их обоих выбросили.

Один из членов команды предложил вечером сходить выпить, но это была автоматическая реакция – может показаться, что ты обязан это сделать, увидев, как молодой мужчина падает головой вниз с высоты двухсот шестидесяти футов. Так спасателям полагалось стирать из памяти вид мозгов, расплескавшихся по восьми или девяти квадратным ярдам камней.

Но это было не в их стиле – Таннера и остальных. Он редко выпивал, а когда все же пил, то потому, что для этого был радостный повод, а сейчас радоваться было нечему.

Скорбь? Гнев? Смятение? Их в выпивке не утопишь. Они подкараулят тебя, когда ты протрезвеешь, и станут только сильнее, потому что сам ты ослабнешь. Нет, есть способ лучше. Можно справиться с тем, что случилось у тебя на глазах, если выйти из дома и *случиться* с кем-то еще.

Ты запрыгиваешь в грузовик с лучшим другом, парнем, который видел, как это случилось, вися вместе с тобой на высоте двухсот шестидесяти футов. Тем самым парнем, который весь день грыз себя – ведь, разблокировав тормоз секундой раньше, он мог бы поймать прыгуна по-настоящему, а не просто ухватиться за непрочную ткань, когда тот уже падал. Он мог бы спасти его, а не остаться с обрывком футболки в кулаке.

Теперь Шона тоже сжигала нужда. Никто не обязан записывать потери на свой счет, но Таннер не встречал ни одного человека, способного провести эту границу. Отстранение – для тех, кто никогда не встает из-за офисного стола. Нельзя радоваться победам, не принимая провалы близко к сердцу. Особенно такие странные.

Забравшись в грузовик, вы отправляетесь в северный Денвер, по прежнему адресу твоей сестры, который ты нашел в одном из ее телефонов. Без плана – это всего лишь еще одна из беспорядочно разбросанных точек, которые – ты веришь – в конце концов соединятся между собой.

Вы пару раз объезжаете квартал, все улицы и переулки, в поисках машины сестры. Не обнаружив ее, останавливаетесь на грязной улице в районе, до которого словно до сих пор не дошли вести, что в стране вообще-то экономический подъем. Множество кирпичных зданий и замызганных витрин, заключенных в клетки из кованого чугуна. Магазин сантехники, судя по всему, еще не прогорел. «Кулинарии Дельмонико» и «Цветам от Фиби» повезло меньше.

Потом вы устраиваетесь поудобнее и дожидаетесь конца рабочего дня и последнего света солнца, которое клонится к горам на западе.

Вы принимаете эти скорбь, и гнев, и смятение, и ждете, когда можно будет случиться с говнюком, называющим себя Аттилой.

* * *

Иногда я забывала задаться вопросом, какой увидела меня Бьянка, когда пригляделась повнимательнее. Я всегда считала само собой разумеющимся, что когда люди со мной знако-

мятся, то уже через пару минут все просекают: «А, верно, Дафна Густафсон. Та девица, чьей фоткой в Википедии проиллюстрирована статья „Хроническая неудачница“».

Но мне стоило сообразить, что с Бьянкой будет не так. Валькирия... прежде меня никто так не называл.

И все равно мне и в голову не приходило, что из нас двоих это она может при взгляде на меня видеть женщину, которая что-то понимает в жизни и смотрит в будущее ясно, уверенно и смело.

Откровение случилось в парке, одним прохладным, сырым днем в конце мая. На этот раз мы предусмотрительно захватили масалу с собой; у меня был обеденный перерыв, а у Бьянки – выходной. Даже не глядя на нее, не сводя глаз с детской площадки, я отпустила какую-то дурацкую шутку о том, что Сорока, видимо, эпигенетически унаследовала гены паукообразной обезьянки. Вот только Бьянка ее не расслышала. Какое-то время она сидела, маринуясь в таком молчании, во время которого ожидаешь, что на тебя сейчас с грохотом обрушится что-то тяжелое.

– Если я тебе кое-что расскажу, ты не подумаешь, что я плохая?

Я ответила ей, что постараюсь, или что-то столь же легкомысленное, потому что ну насколько плохой могла оказаться Бьянка даже в самый худший свой день?

– Большую часть времени мне кажется, что на самом деле она не моя.

Бьянка говорила о Сороке. Я немедленно почувствовала себя не в своей тарелке, потому что опыт общения с молодыми мамами у меня был невеликий. И так-то плохо, что мы принадлежим к виду, особи которого, в отличие от собак, кошек и слонов, появляются на свет, ничего не зная о материнстве, и поэтому вынуждены учиться по ходу дела.

Аттила в моей голове спросил: «Разве это похоже на биологию вида, который хочет продолжать существовать?»

Одна из моих мозговых клеточек заискрилась и выдала словосочетание «послеродовая депрессия». Но мне никогда не казалось, что у Бьянки депрессия. Для меня она была воплощением счастья и светлого чуда, а зачастую – и чувственной грации. Мозг предпринял еще одну попытку и слепил воедино слова «послеродовая диссоциация». Я понятия не имела, существует ли такая штука на самом деле, но звучало хорошо.

– А чья же она тогда? – И, потому что не представляла себе, как может проявляться центральноамериканское католическое чувство вины, я вынуждена была уточнить: – Она ведь дочь Грегга, правда?

Бьянка рассмеялась, скорее не из-за вопроса, а из-за того, как он прозвучал: будто я на цыпочках кралась по минному полю.

– Да, она дочь Грегга. И я не имею в виду, что я ее не рожала. Она просто...

Было ясно, что Бьянка ни с кем больше не могла этим поделиться. Никогда. Она держала это в себе четыре года, и держала бы вечно, если бы не появилась пара подходящих ушей.

– Я люблю ее, – поспешно, словно защищаясь, добавила она. – Я на что угодно ради нее готова. Но то же самое я чувствую и по отношению к тебе, тетюшка Дафна. Я не...

Ей было сложно даже облечь это в слова. У Бьянки было круглое лицо и кожа, которая даже в дни предменструального ада отгоняла от себя любые намеки на прыщи; порой она выглядела юной, а теперь казалась студенткой, пытающейся сообразить, как ей жить.

– Я не чувствую, что мы с ней одного вида. Это как в сказке, где лесной зверь заботится о брошенном умирать младенце. В моем сердце есть место для любви к ней. Но мы не одного вида. Я знаю, что должна чувствовать, но не чувствую этого, и мне кажется, что я самозванка.

Вот теперь мы забрались на территорию, где у меня был какой-никакой опыт.

– Не хочу обесценивать твои сомнения... Но мы все чувствуем себя самозванцами. И единственное, что мы можем сделать, – не сдаваться и притворяться, будто это не так. Что, наверное, только усугубляет проблему.

– Ты не понимаешь. Я это чувствовала еще до того, как забеременела. Чувствовала всегда. Я думала, что ребенок меня исправит, подтолкнет к тому, чтобы стать нормальной, что ли. Но она только сделала это еще более очевидным.

Бьянка повернулась ко мне лицом, одна мутировавшая душа перед другой.

– Понимаешь, я точно так же не чувствую, что мы с тобой одного вида. Разница в том, что я могу тебе об этом рассказать и знаю, что ты меня поймешь и не осудишь. А ей я сказать не смогу. Ни сейчас, ни потом, когда она повзрослеет и сумеет понять. Даже попытаться сделать это будет слишком жестоко, я просто не вынесу.

Молчаливое страдание – оно такое. Может годами происходить прямо у нас под носом, но когда оно наконец выплеснется наружу, мы удивимся, что умудрились его проглядеть. Я обняла Бьянку и убрала волосы с ее лица, чтобы утереть слезу.

– Хотела бы я снять с тебя эту ношу. Хотела бы я взять ее на себя. – Мне ведь уже случалось выносить удары судьбы, знаешь ли. – Хотела бы я чем-то тебе помочь, а не только выслушать. Потому что просто слушать – это как-то жалко.

– Ты можешь помочь. – Она отстранилась и посмотрела мне в глаза. – Ты говорила, что я напоминаю тебе одного маленького мальчика. Что родители не могли понять его, потому что он не принадлежал этому миру. Ты говорила о нем так, словно он умер. Кажется, его звали Броди. Ты можешь рассказать мне о нем. Расскажи мне о Броди.

* * *

Таннер навел бинокль на мертвый цветочный магазин Фиби, стоявший на противоположной стороне улицы, через два дома от машины. Нацелился на табличку с номером, прикрученную рядом с решетчатой металлической дверью, утопленной на пару футов в кирпичной стене.

– Вон та дверь, – сказал он. – Которая, кажется, ведет на второй этаж. Он должен жить там.

– А его правда зовут Аттила?

– Надеюсь.

Шон задумчиво кивнул.

– Понимаю. По крайней мере, тогда ты будешь знать, с кем имеешь дело.

Таннер отложил бинокль на приборную доску.

– В смысле?

– Имя способно определять судьбу. Если он всю жизнь прожил с этим именем, то вынужден был соответствовать ему. – Типичный, классический Шон, в медленной и обманчиво сонной манере разъясняющий мир и тех, кто его населяет. – Это груз, который ему приходилось носить на себе всю жизнь, и он уже давно должен был с этим освоиться. Аттила... к такому имени прилагаются ожидания. Оправдывать их – путь наименьшего сопротивления.

Прекрасно. Чувак с замашками вождя, обустроивший себе цитадель над закрывшимся цветочным магазином.

– А вот если он взял себе это имя несколько лет назад, решив, что оно сделает его круче, – значит, он позер, и ты не знаешь, с чем именно имеешь дело.

– А ведь ты его даже еще не видел.

– Очень может быть, что я несущу херню.

Вот только обычно он оказывался прав. Шон отличался длинными руками и ногами, вечным прищуром, тягучим голосом и дружелюбием человека, со старшей школы привыкшего, проснувшись, первым делом забивать косяк. Вот только он был таким от природы. Настоящий Шон мог сотню раз подтянуться из мертвого виса за пять-шесть подходов и в мельчайших подробностях пересказать тебе многолетней давности разговоры, о которых ты давно забыл.

По возрасту он был ближе к Дафне, чем к Таннеру. Шон мог бы быть его братом, но судьба не настолько благосклонна. Или зятем – вот это было бы чистое счастье, способ исправить хотя бы одну ошибку Вселенной, но и над этим судьба тоже посмеялась бы. Дафне он бы не подошел, максимум на одну ночь. Накачанные «кубики» на теле баскетболиста... это бы ей понравилось. Но Шон никогда бы не сделал ей больно, и вот это стало бы для Дафны камнем преткновения.

– Тот, э-э... парень, которого мы сегодня потеряли, – начал Шон. – Он мог где-то познакомиться с твоей сестрой?

– Хотел бы я знать. Тогда мне было бы проще все это уложить в голове. Но по его словам было непохоже. Скорее он просто *знал* о ней.

– То, что он говорил... это же был не полный бред, да? Ты его понимал. Я видел это по твоему лицу.

Таннер кивнул.

– Часть его слов попала в яблочко.

– И как ты это объяснишь?

– Никак.

– Он говорил, что узнал о ней от тех, кто странствует по паутине. Это его слова, не мои. Он называл их «те, кто рожден бездной». Гинунгагом. Я-то не понял, что это значит, а вот ты, похоже, да.

– Он немного ошибся с произношением, но не сильно. Я понял, что он пытался сказать. «Гиннунгагп». Это такая штука, о которой ты скорее узнаешь, если рос под какой-нибудь фамилией типа «Густафсон». Она из скандинавской мифологии. Это бездна абсолютной пустоты, из которой появилось все сущее и куда ему суждено провалиться, когда Вселенной придет конец.

– И это прилетело ему в голову после сорока четырех часов на карнизе.

– Он мог об этом и раньше знать. Это же не засекреченная информация какая-нибудь.

– Да, но она очень своеобразная. Основную-то идею можно найти в куче мифологий. Как в первой главе «Бытия». «В начале...» Помнишь? «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною». То же самое, тебе не кажется? Гиннунгагп – это просто версия, которую придумал твой народ.

– Мой народ?

– Диаспора викингов. – Когда Таннер начал возражать, Шон утихомиривающе поднял палец. – Не бухти. Тебе повезло. У меня вот народа нет. Только бесформенная масса протестантов. Она больше похожа на фирму, лоббирующую майонез. – Он уставился на свои руки, плотно стиснутые вокруг незримого центра. – Все это – различные способы говорить об одном и том же, о том, что древние философы, должно быть, знали на интуитивном уровне. – Шон изобразил губами грохот взрыва и развел руки. – О Большом взрыве – что еще это может быть? А если твой народ предвидел, что все снова коллапсирует в одну точку, значит, они и о Большом сжатии представление имели. – Он хлопнул в ладоши. – А это очень круто для кучки агрессивных фермеров.

Затем Шон потратил некоторое время на рассуждения о том, кто победил бы в схватке между викингами и гуннами, и не смог увидеть иного исхода, кроме гарантированного взаимного уничтожения. Что вполне могло оказаться завуалированным предупреждением, чтобы Таннер не устраивал драку с этим парнем, если они его увидят. И не исключено, что он действительно нуждался в сдерживании, потому что, когда появился Аттила, Таннер возненавидел его с первого взгляда.

Аттила вылез из «Доджа-Чарджера», остановившегося на узком парковочном месте между его домом и соседним. Таннер поднял бинокль. Он узнал Аттилу по нескольким смазанным фото с одного из телефонов Дафны. Тот оказался чуть выше Шона, но гораздо шире в плечах и в целом мощнее. Длинные темные волосы его были распущены, на лице красовались

зеркальные очки, а двигался Атилла как человек, считавший само собой разумевшимся, что все остальные будут убираться с его пути. Он открыл свою дверь и скрылся из виду.

– Ну как, все увидел, что хотел? – спросил Шон. – Или ты планировал нанести ему джентльменский визит?

– Раз уж мы все равно приехали, – сказал Таннер, – давай-ка зайдем и поздороваемся.

* * *

«Расскажи мне о нем, – попросила она. Взмолилась. – Расскажи мне о Броди».

Ну что же. Мы и в самом деле наконец-то пришли к этому.

Ведь прежде, чем исполнить ее просьбу, я сперва должна была открыться перед ней сама. Ты кое-что о себе не рассказывала, Бьянка? Забавно как, я тоже. Видишь ли, был когда-то такой сарай...

А еще ты чувствуешь себя самозванкой? Ух ты, и я тоже! Может, это как в старом афоризме про величие: некоторые из нас рождаются самозванцами, а другим самозванство даруется. Я никогда не могла убежать от ощущения, что я не та, кем должна была стать. Я могу его на время опередить, но в конце концов оно всегда меня догоняет.

Я не должна была быть такой, Бьянка.

И мне жаль, что я так много от тебя скрывала, но, возможно, только ты и способна понять почему. Потому что наша встреча меня потрясла, и с тех самых пор мне казалось, что у меня получится стать нормальной (а я хотела цепляться за это ощущение так долго, как только смогу) и что есть женщина, которая может любить меня за то хорошее, что, как ей кажется, она во мне видит, вместо того чтобы жалеть меня или воротить нос, потому что я – бракованный товар.

Вот с кем ты имеешь дело. Вот кого ты впустила в свою жизнь.

Почему я самозванка? Потому что делала вид, будто на самом деле была знакома со странным, не от мира сего, мальчиком по имени Броди Бакстер, а не узнала о нем уже после его смерти, через десять лет, в рамках исследовательского проекта, затеянного девочкой-подростком, пытавшейся упорядочить призраков в своей голове.

Да, мы с Бьянкой глубоко закопались. Разговор выдался очень серьезным.

Но я не могла не смеяться. Две слезливые девицы сидят на парковой скамейке с видом на детскую площадку и обсуждают похищения, пытки и мысли о том, что мать и дочь относятся к разным биологическим видам... со стороны могло показаться, что это от нас нужно детей защищать.

Что касается Броди, я рассказала Бьянке обо всем, чем поделилась со мной его мать: о причудах и странных заявлениях, которые, по его словам, были правдой, – что от стрижек у него мутилось в голове, что небу полагается быть оранжевым, а по ночам в нем должны всходить две луны; о его глубоком отвращении к обуви и о том, как он мог подолгу стоять, словно пустив в землю корни, зачарованный и счастливый, если не считать неотступного разочарования тем, что пальцы не прорастают в почву.

Я рассказала ей о том, что заявил в суде Уэйд Шейверс: когда настал черед Броди окатиться в сарае, он поначалу не боялся того, что с ним должно было случиться, и даже указывал Шейверсу, где его нужно резать, рассказывая при этом о некой жатве, во время которой ему перерезали какой-то «вентральный стебель». Это могло показаться наглым самооправданием худшего на земле человека, вот только мать Броди поверила ему.

– Вот и все, – сказала я Бьянке. – Больше я ничего не знаю.

Мы сидели на нашей скамейке, окруженные пузырьком молчания, сквозь который не могли пробиться другие мамы, няньки и визжащие дети. Когда Бьянка посмотрела на часы, это движение показалось мне неуместно будничным. В пределах нашей досягаемости зависли неуло-

вимые тайны Вселенной – а мы так и остались рабынями шестидесятиминутных временных отрезков, в которые еще и дорогу надо было уложить.

– Это как-нибудь тебе помогло? Показалось знакомым? Хотя что-нибудь?

На ее лице проступило блаженное выражение – как у святой, которой коснулся Бог. Всего-то и нужно было, что выслушать ее. Всего-то и нужно было, что поделиться самыми грустными своими воспоминаниями.

– Если я заброшу Сороку к бабушке, ты сможешь сказать больно до конца дня? – спросила Бьянка. – Я очень хочу тебе кое-что показать.

* * *

В узком дверном проеме рядом с цветочным магазином обнаружилась панель домофона. Таннер давил на кнопку, пока не услышал сквозь треск помех раздраженный ответ человека, судя по голосу, не привыкшего к гостям. Когда он спросил о Дафне:

– Ее здесь нет. И не было уже восемь месяцев. Но ты это, должно быть, и так уже знаешь. – У Аттилы был низкий голос на грани *basso profundo* и акцент уроженца Восточного побережья, откуда-то из окрестностей Нью-Йорка. Возможно, из Бруклина. – Это ты, что ли, старший братец?

– Это ее брат Таннер, да. Мы можем поговорить?

– А сейчас мы что делаем?

– Я имею в виду, лицом к лицу.

– А зачем оно мне? Я тебя и так отлично слышу.

– Потому что мы поговорим или сейчас, или позже. – Шон подошел ближе и сам нажал кнопку домофона. – Думаешь, твои железная дверца и лесенка что-то значат? Братан, да мы сегодня утром висели на веревках на высоте двести шестьдесят футов, и это для нас обычное дело. Думаешь, окошко на втором этаже для нас не херня? А тебе ведь нужно когда-нибудь спать.

– Это еще кто?

– Мой напарник. Обычно у него получше с манерами.

– Нет, он мне, пожалуй, нравится. Он прямее, чем ты. А вот *тебя* я слышу и понимаю – еще пара фраз, и мы докатимся до пустых слов. А кому нужно тратить на них время?

Дверь зажуужала, открываясь, и Таннер распахнул ее. Внутри царил пещерный сумрак, лестница была грязной, ступеньки – крепкими, но под ногами скрипели от старости. И их было много.

Помещение наверху оказалось просторным – единой комнатой, разным частям которой отводились разные функции. В центре, в окружении разномастных кресел и дивана, стоял, широко расставив ноги и скрестив на груди руки, Аттила, словно пустивший корни в укрытый персидским ковром пол. Пара шагов в любом направлении – и он очутился бы у кровати, у холодильника или у висевшего на стене оружия – выбор был за ним. Аттила успел снять очки и оглядывал гостей, то ли хмурясь, то ли потешаясь.

Первым нарушил молчание Шон.

– Я сам с собой поспорил, когда поднимался по лестнице: «Что у него будет на стене? Пара мечей?» А потом я подумал: «Нет... нет, он, наверное, больше по топорам».

Шон кивнул на них – на пару смертоносного вида боевых топоров со скрещенными рукоятями. Они были одинаковыми – головки их, узкие у топорщица, с одной стороны расширялись, превращаясь в выгнутые полумесяцем лезвия, а с другой оканчивались длинными, кровожадного вида шипами.

– Они заточенные или так, для понтов?

– А ведь до сих пор ты так хорошо себя показывал.

– Дафна, – сказал Таннер. – Разве мне обязательно задавать вопрос? Он тебе и так уже, похоже, известен.

– Она прирожденная бегунья. Но с чего ты взял, что она прибежит сюда? Она никогда не *возвращается*. Это не в ее натуре. Она бежит только вперед. – Аттила покачал головой в наигранном недоумении. – Я-то думал, ты ее лучше знаешь.

– Кое-кто сказал мне, что она могла направиться сюда. Я просто...

– Проверяешь, – закончил Аттила. – Ну естественно. Это в *твоей* натуре. Чувство вины – та еще наркота, верно?

Говнюк.

– Тебя разве не успели достать ее выкрутасы? – Аттила говорил почти дружелюбно. – В жизни есть лишь три непреложных вещи – смерть, налоги и братишка Таннер, который бросается на поиски Дафны всякий раз, когда она уходит в самоволку. Интересно, кто из вас кого лучше выдрессировал?

– И как, по-твоему, для нее должно сейчас выглядеть бегство вперед? – Умница Шон углядел лазейку и необходимость вступить в разговор. – Есть идеи?

– Она здесь прожила всего четыре месяца. Как думаешь, много мы с ней успели наговорить? Она... там, где должна быть.

В его голосе слышался оттенок злорадства. Как будто Аттила знал что-то, чего не знает брат, и хотел, чтобы они это поняли. Поняли, что у женщин бывают секреты, о которых братья всегда узнают последними.

Таннер попытался представить Дафну в этой квартире и не смог. Где ее комната, то принадлежавшее только ей убежище, на котором она всегда настаивала? Изнутри казалось, что на это место давит тяжесть веков, превосходящая заметный снаружи возраст здания, как будто здесь, наверху, время текло иначе. Кто-то взял тысячелетнюю полость и построил вокруг нее кирпичную скорлупу в духе 1920-х годов. А внутри разбросал несколько анахронизмов вроде газовой плиты и стереосистемы с колонками величиной со стенобитные орудия, чтобы никто ничего не заподозрил.

И Аттила идеально сюда вписывался.

Таннер не желал знать, что такого нашла в нем Дафна. Аттила Чонка не относился к тем мужчинам, от которых женщины ждут долгосрочных отношений. Он был первой остановкой на ее пути после того, как ей надоело осторожничать. Он был тем, к кому она пришла, когда слишком долго жила без сожалений.

– И где же она должна быть?

Несмотря на большие кисти рук, Аттила выглядел так, словно мог без труда отрывать крылья мухам и ноги паукам.

– Дайте-ка я кое-что посчитаю, – сказал он. – Я сегодня на работе услышал одну маленькую новость. Про неудачно закончившуюся операцию по спасению заблудшего скалолаза. Так вот, я знаю, чем вы занимаетесь. Я знаю, что вы не окна моете. Так что, если вы сегодня утром висели на высоте двести шестьдесят футов и это для вас было обычное дело, я заключаю, что вы присутствовали на месте происшествия. Это ведь были вы, да? Это вы пытались спасти того парня, когда он упал. Или спрыгнул.

Таннер слушал, и внутри у него начинало холодать. Ему казалось, что все вот-вот полетит к чертям, и он не знал, кто будет виноват, если это произойдет.

– Неудачный выдался день, да, – ответил Шон. – А что?

– Мне просто любопытно. Большинство людей, когда забираются на высоту и видят перед собой пропасть, слышат этаким тихим голосок, убеждающий их прыгнуть. «Ну давай, сделай последний шаг». Они редко подчиняются, но голос слышат. А вот вы двое – у вас особое положение. Вы отвечаете за тех, кто там застревает. И вот что мне интересно. Бывает ли так, что вы заходите человеку за спину и, прежде чем привязать его, или что вы там делаете... слышите,

как этот голосок предлагает вам его *столкнуть*? «Этот болван слишком туп, чтобы жить, будет лучше, если я...»

Аттила медленно изобразил, как сталкивает кого-то и наблюдает за падением.

– Или перерезать его веревку. Вы начинаете его вытягивать, а потом вас одолевают сомнения.

Он взмахнул воображаемым ножом; движения его становились все более резкими.

– Или перерезать свою веревку. Вам когда-нибудь этого хотелось? То же самое, что сделать тот последний шажок, только у тебя есть чуть больше времени, чтобы над этим поразмыслить. Можно увидеть, как лопаются волокна веревки. Можно задуматься, когда она перестанет тебя выдерживать. Как, должно быть, медленно при этом тянется время.

Таннер не знал, как реагировать на его слова. Он взглянул на Шона, который, судя по всему, тоже плохо себе это представлял. Неужели они должны стоять здесь и выслушивать его? Может, и да. Если развернуться и уйти, они будут выглядеть... побежденными.

– Ваше молчание говорит «нет», но ваши глаза отвечают мне «да». Это нормально. У всех нас бывают порывы стереть ошибки. – Аттила по очереди осмотрел их и сосредоточился на Таннере. – Так почему ты этого не сделаешь? Ты, из всех людей? У тебя ведь есть весомые причины. Я знаю, что тебя ждет дома.

«Нет, – подумал Таннер. – Не смей. Ты не осмелишься это сказать. Никто не осмелится это сказать».

– Малышу хоть диагноз-то поставили? И имеет ли это хоть какое-то значение? Диагноз ничего не исправит. Никого не снимет с крючка. Ты все равно будешь думать: «Черт возьми, кто-то серьезно засрал мальчишке ДНК. Надеюсь, это был не я».

Он и правда это слышал. Он наблюдал за тем, как слушает это.

– Может, это и правда был не ты. Ты, твоя жена – возможно, вы оба не виноваты. Просто так получилось. Я как-то слышал, что если случайный всплеск гамма-лучей пройдет через атмосферу и попадет в неправильную хромосому в неправильном месте и в неправильное время – все. Хана плану природы. Появляется новый чертеж. Кучка частиц, последние несколько миллиардов лет рассекавшая галактику, примчалась, как снайперская пуля, и все изменила.

Таннер парил в двух шагах за спиной манекена, облаченного в его одежду, и поражался тому, что манекен никак не реагирует на эти слова.

– Ты разве не чувствуешь искушения что-то с этим сделать? У тебя не выйдет вернуться назад во времени и встать на пути у пули. Но неужели ты ни разу не спрашивал себя, в чем вообще смысл? Если твой ребенок с большой вероятностью даже жопу вытирать не научится, разве не лучше было бы, чтобы он никогда не родился? Не говори мне, что не ощущал искушения подойти к кровати с подушкой в руках и стереть эту маленькую ошибку.

– Срань господня, – сказал Шон. – Хорош. Seriously. Мы поняли, ты худший человек на свете. С определенного момента ты просто... ладно, слово «красуешься» тебе не очень подходит, но другого у меня нет.

Самым стыдным было то, что Аттила не ошибался. По крайней мере насчет Риза. Таннер выслушал столько людей, которые пытались выставить это Божьим замыслом, а потом уходили, вроде как исполнив свой долг, что он уже готов был отправить следующего, кто такое скажет, на встречу с этим их Боженькой. Этим жестоким генетическим инженером, которому позарез нужно было создавать детей, чьи глаза, казалось, фокусировались исключительно на каких-то непостижимых просторах внутри их собственных черепов.

Он ни разу не вставал над кроватью с подушкой. Но он, бывало, сидел в соседней комнате, думая о том, способен ли на такой поступок и что он принесет за собой – муки или освобождение. Таннер спрашивал себя, что будет большим проявлением любви и милосердия: позволить Ризу вырасти таким, какой он есть, или отпустить его туда, откуда он пришел.

Ночные сомнения, тревожные сомнения, беспомощные сомнения – вот что это было, и они никогда не задерживались надолго. Но все равно они оставляли Таннера в раздумьях о том, что за эгоистичное чудовище вообще способно на такие мысли.

Теперь он знал. На такие мысли был способен Аттила, и он видел их в других. Потому что, похоже, непрерывно существовал в этом пространстве.

Таннер задавил гнев, чтобы снова обрести дар речи.

– Так сколько времени, говоришь, ты знал Дафну?

– Ну же, старший братец, не выпадай из реальности. Мы ведь это уже обсудили. Четыре месяца. Недолгое знакомство... – Аттила ухмыльнулся и облизал губы. – Но приятное.

– Четыре месяца она знала тебя. Я имею в виду, сколько времени *ты* знал о *ней*. Улавливаешь разницу?

Впервые за все это время Аттила пошевелился, на шаг приблизившись к ним, к креслу, которое стояло между ними, словно обозначая границу.

– Разницу я улавливаю. Я значения не улавливаю.

– Может, ты год или больше звонил ей, прежде чем появиться в ее жизни? Раз за разом оставляя одно и то же сообщение?

До сих пор Аттила выглядел так, словно контролировал ситуацию. Так оно и было. Казалось, они не могут сказать или сделать ничего, что застало бы его врасплох. Кроме этого. Этого он не ожидал. Как и Шон, покосившийся на Таннера, будто спрашивая, что еще он скрывает.

– Так значит, ты их слышал. – Теперь рокочущий, как гром, голос Аттилы был ровным и спокойным, лишенным издевки. – И что скажешь?

– Сотни звонков? А то и тысячи? Это похоже на действия одержимого, ведущего очень долгую и болезненную игру.

Аттила бросил злобный взгляд в пространство между ними, но теперь в нем была какая-то отстраненность. Отстраненность человека, которому больше не интересно тыкать в тебя, чтобы посмотреть, какую это вызовет реакцию. Развлечения закончились. Так волк мог бы смотреть на кого-то, кого ни в жизнь не сочтет себе равным.

Когда Аттила бросился на них, это оказалось полной неожиданностью. Таннер должен был оставаться на чеку, но ему и в голову не приходило, что такое возможно. Зачем вообще нападать? Он мог просто позволить им уйти, и они пошли бы своей дорогой, вот и все. К тому же Аттила был один против двоих, а Таннер и Шон были крепкими ребятами. Они могли бы постоять за себя в барной потасовке.

Но это была не барная потасовка.

Это была драка на топорах, а они пришли безоружными.

Так много ошибок.

Ты видишь пару боевых топоров на дальней стене и думаешь: так, мне это не нравится, – а этот огромный мужик ведет себя как еще более огромный мудак и выводит вас из равновесия, решая тем временем, что делать. Но по крайней мере все знают, где висят топоры, и он от них далеко. Он не сможет. Он просто не сможет.

Нет. Ему это и не нужно.

Ты видишь пару топоров на дальней стене – и думаешь, что это все. Ты упускаешь мелкие детали – пустые крепления там, где висела вторая пара. Что он сделал – снял их, прежде чем открыть нижнюю дверь? Спрятал их на том большом, обшарпанном кресле, рядом с которым стоял, дожидаясь этого момента? Неплохой план. Они были меньше, с компактными головками – такие легко укрыть от того, кто видит только спинку кресла.

И вот Аттила бросился на Таннера и Шона, по пути схватив топоры, по одному в каждую руку, и оказался рядом прежде, чем они успели понять, что происходит.

В движение их привели рефлексy. Счет теперь шел на доли секунды. Сначала Аттила нацелился на Таннера, и тот отступил к лестнице. Но у Аттилы были длинные руки и ноги.

Он пнул Таннера в живот: ощущение было такое, словно его ударило дерево. Таннер сложился пополам и врезался спиной в стену; пинок выбил из него весь воздух, и он пытался вдохнуть. Каждая бездыханная секунда казалась десятью.

Шон мог убежать, у него было время на то, чтобы спуститься по лестнице, но он этого не сделал. Он бросился на Аттилу пригнувшись – борцовский маневр, – врезался плечом ему в живот и попытался обхватить за колени сзади, чтобы уронить на пол и помешать ему размахивать топорами. Аттила вогнал рукоять в спину Шона и вывернулся из его хватки, не дав уцепиться как следует. Сделав пару неловких шагов, он восстановил равновесие и, вложив инерцию в замах, ударил Шона, когда тот начал подниматься.

Таннер услышал низкий, влажный треск, когда топор врезался в тело Шона чуть выше груди; сюрреалистичный момент – этого ведь не должно было случиться. Таннер должен был нормально дышать, это же так просто, и он не представлял себе, откуда может взяться такой звук; а потом понял – это ключица. Он никогда не слышал, как ее разрубают напополам.

А еще Таннер никогда не видел, чтобы кто-нибудь удерживал свою жертву на месте топором, словно тот превратился в ручку на ее теле. Он никогда не слышал, чтобы Шон кричал так, словно попал в беду. Не слышал такого глухого удара, с каким второй топор обрушился с другой стороны и вонзился в мясо на плече. Он никогда не слышал звука, с которым выдергивают из ран топоры, вырывают их из костей, и мышц, и легких. Никогда не слышал, как сам он задыхается, не в силах больше ничего сделать.

Но что-то подстегнуло его, одолев первобытное стремление съежиться от страха, и заставило сорваться с места, хотя в глазах у него все еще искрились звезды. Одну руку, ему нужно вывести из строя всего лишь одну руку Аттилы. Они еще могут переломить ход схватки. Шон справится. Они оба видели, какие раны способно пережить человеческое тело, потому что жажда жизни сильнее всего. Им было ради чего жить.

Аттила заметил Таннера и не позволил ему ничего сделать. Он выдернул левый топор из груди Шона, подбросил в воздух так, что он перевернулся, ухватил под головкой и размахнулся; в стремительном движении читалось презрение: *а вот и нет, старший братец*. Твердая деревянная рукоять ударила Таннера в челюсть, обух – за ухом. Таннер очутился на полу прежде, чем осознал, что ноги его подкосились, и не видел уже ничего, кроме алого тумана и неясных звезд, обитавших в пустоте.

А вот слух его продолжал работать, звуки пробивались сквозь охватившее голову пульсирующее онемение; раньше Таннер считал, что ему уже доводилось слышать жуткие вещи, но теперь он мог только лежать и слушать то, что было гораздо, гораздо хуже.

Четвертая фаза

*Души чистейшие – те, что из тела исторгнуты силой.
Халдейские оракулы Зороастра*

Передать утомленную четырехлетку в гостеприимно распахнутые бабушкины объятия? Сделано.

Оповестить начальство о внезапном пищевом отравлении? Сделано.

Заскочить домой, пока Вал уехал на встречу с клиентом, чтобы переодеться и сменить кроссовки на «вентиляторы» от Merrell Moab, потому что подруга пригрозила мне прогулкой в горах? Сделано.

А потом мы отправились в путь – пара девчонок, которые просто хотят повеселиться. После того как разберемся со всем, что так сильно переобано у нас в головах.

Впереди маячили предгорья, позади – горы; мы покинули равнины Денвера и проехали Боулдер, потом свернули на извилистую второстепенную дорогу, постепенно поднимающуюся к Эстес-парку. Осенью на нее часто выходили стада горных животных. Когда я предупредила Бьянку, что столкновение с похотливым лосем может испортить нам весь день, она ответила, что так далеко мы не заедем.

– А куда мы тогда направляемся? Или это будет секретом, пока мы не доберемся до места?

– Ты знаешь Часовню на камне?

Пристыженная, я вынуждена была ответить «нет». Я ведь, в конце концов, в этих местах всего-то всю жизнь прожила, верно?

– Ее просто так прозвали. Увидишь почему. На самом деле она названа в честь святой Екатерины Сиенской.

– Ее я тоже не знаю, – призналась я. – Значит, ты тащишь меня в церковь. Это все был такой долгий и коварный план, да?

Я почти заставила Бьянку рассмеяться. Она велела мне не беспокоиться – внутрь нам заходить не придется. Часовня будет лишь отправной точкой. Прогулка в горах, помнишь? На самом деле мы отправимся дальше, к месту, где они с Греггом однажды устроили пикник вскоре после того, как Бьянка узнала о своей беременности.

А пока что я должна была узнать: откуда такой интерес к Броди Бакстеру?

– Я сама это плохо помню, – ответила Бьянка, – но мама рассказывала, как я боялась бассейнов, но любила пруды. И ручьи. Заводы. Озера. И когда однажды мы поехали к океану, он мне тоже нравился, но только до тех пор, пока я не попробовала его на вкус и не сказала, что от соли мне больно, что в воде ее быть не должно. Что это яд.

Некоторые дети ненавидят обувь. А некоторые – соль и хлор. Вот, значит, какие у нее были детские причуды. Но расспросив подробнее, я выяснила, что Бьянка пила воду из-под крана и принимала ванну без всяких проблем. Так что, возможно, отвращение у нее вызывала концентрация хлора. Или стены бассейна. Быть может, для нее он был вызывающей клаустрофобию ловушкой.

Но это было любопытно. Обычно, если маленькая девочка боится воды, то не прозрачной, где видно, что никто не подплывает к ней, чтобы схватить. Она должна бояться мутных водоемов с илистым дном, в которых может скрываться что угодно, от кракенов до озерных акул. Но как раз они и были стихией Бьянки.

– Мама говорила, что я бросалась к ним, скидывая одежду на ходу. Запрыгивала и плескалась, такая счастливая, что родителям приходилось выволакивать меня на сушу, когда пора было идти домой. И я при этом всегда плакала. – Бьянка взглянула на меня, чтобы убедиться,

что я слушаю, как будто после всего, в чем мы друг другу признались, я все еще могла отвергнуть ее и тем самым уничтожить. – Мама утверждает, что я верещала так, словно отыскивала свою *настоящую* мать и теперь меня с ней разлучали.

Я легко могла представить это зрелище. Легко могла ощутить эту боль.

– Она говорит, что ее тревожило то, *как* я пыталась плавать. Я сдвигала ноги, прижимала руки к бокам и... – Бьянка отняла руку от руля и изобразила извивающееся движение. – Там, где было достаточно мелко, я вот так лежала на дне. У нее фотографии есть. Мама говорит, что я была счастливее всего, когда это делала. И что я спрашивала, когда у меня вырастут ласты.

Казалось, что, глядя сквозь лобовое стекло на мир, несущийся нам навстречу со скоростью семьдесят миль в час, Бьянка на самом деле его не видит.

– Ох эта Бьянка, – проговорила она с акцентом, которого я от нее прежде не слышала. – Такое *loco*⁶ воображение.

Как же легко нанести эту рану своей дочери. Ха-ха, очень мило. А теперь давай-ка повзрослей и выкинь из головы все эти дурные идеи, а то другие детки не будут с тобой водиться.

– Этот образ того, как все должно быть на самом деле, так меня и не покинул. Даже когда я родила Сороку. Я была вне себя, когда в первый раз увидела ее и взяла на руки. Кровь и слезы меня не напугали, но... – Бьянка сдвинула брови в мучительной попытке понять, что же с ней не так. – Две руки, две ноги. Везде по десять пальцев. Вроде как положено чувствовать облегчение, когда видишь, что твоя дочь идеальна. Может, я его и ощутила, но в глубине души все равно была разочарована. У меня даже сердце защемило. Все эти месяцы, чувствуя, как она растет во мне, я думала, что у нее будут...

Бьянка не смогла договорить, и я прикоснулась к ее руке, давая понять, что это необязательно. Даже наедине с подругой нелегко признаться, что ты надеялась родить ребенка с лапами, не опасаясь серьезно ее напугать.

– Я винила Грегга, – прошептала она. – Я хотела рожать в воде, а он мне не позволил. Но я люблю ее. Кто бы ее не полюбил?

Бьянке не нужно было меня убеждать, несмотря на все эти разговоры о лапах.

Выехав из Лайонса, она повернула на перекрестке налево, на боковую дорогу к Эстес-парку; когда меня заносило в здешние места, у меня не хватало терпения на то, чтобы ездить этим маршрутом. Холмы окружили нас извилистой чередой вечнозеленых деревьев и красноватых скал. Через несколько миль Бьянка остановилась в местечке настолько живописном, что его в пору было печатать на календарях: панорама лугов, гор и сосен. Неожиданно было увидеть здесь церковь, по крайней мере настолько впечатляющую... но Часовню на камне где угодно не построишь.

Похожая на миниатюрный собор, она стояла на мощном скоплении валунов, основание которого с одной стороны обхватывал заросший пруд, похожий на половинку рва. Стены часовни были сложены из неправильной формы камней, идеально прилегавших друг к другу, и возносились прямо, уверенно и высоко к свесам и скатам крыши. В другом месте, в другом времени она казалась бы крепостью, погубившей тысячи облаченных в кольчуги захватчиков. Но узкие полосы витражей говорили о совершенно ином крестовом походе.

Идея церковей всегда нравилась мне больше, чем то, что в них на самом деле происходило... все эти поклонение и самобичевание и оглушение учений до такой степени, что они выходят за пределы человеческого понимания.

Но эту церковь я могла полюбить.

– Мы будем заходить внутрь?

Бьянка покачала головой.

⁶ Сумасшедшее (*исп.*).

– Не сейчас. На обратном пути можем заглянуть, если тебе нужно.
«Нужно»? Интересно.

Это был хороший день для прогулок на природе. Со стоянки мы свернули в сосновый бор, спускавшийся с далеких склонов и оканчивавшийся у самой церкви. Звуки оставшейся позади дороги стихали, а Бьянка вела меня все глубже, в тишину леса, где пели птицы, а усыпанную шишками землю укрывал мягкий ковер гниющих иголок.

Единожды проведя пальцами по грубой коре, я решила больше так не делать. В декабре мы приносим домой хвойные деревья – обычай, подаренный миру моими предками, теплый и уютный. Но здесь, на природе, я вспомнила, что эти деревья неприветливы, не похожи на дубы, клены и тенистые плакучие ивы. Они колются, и царапаются, и истекают смолой, как будто это дополнительный способ покарать тебя, если ты смог увернуться от веток.

Бьянка показала мне укромную, залитую солнцем полянку, где они с Греггом пять лет назад расстелили покрывало для пикника. Чуть погодя ей захотелось прогуляться, зайти глубже – это было даже не желание, а зов.

Она с радостью подчинилась ему. Недавно, в часовне, Бьянка вознесла благодарность за беременность и попросила кого-нибудь, кто мог ее услышать – Бога или святого, – направить ее и прогнать из головы эти странные настойчивые мысли. Помочь ей стать настоящей матерью, нормальной и не раздираемой противоречиями.

«Может, так она и начинается, – подумала Бьянка. – Материнская интуиция – может быть, она начинается вот с такого ощущения».

Если бы она не послушалась, интуиция могла покинуть ее навсегда. Бьянка хотела пойти одна, но Грегг не желал об этом слышать и потащился следом, главным образом чтобы ей угодить, однако глубинную свою мотивацию она все равно от него утаила.

Они заходили все глубже в бор, направляясь в сторону проступающих над деревьями горных вершин, и через пятнадцать минут Бьянка поняла, что достигла места, которое призывало ее. У нас с ней дорога заняла на несколько минут меньше, потому что теперь Бьянка точно знала, куда идти. Она бывала здесь много раз. Обычно одна. Иногда с дочерью. И больше никогда – с Греггом, потому что в тот раз он не увидел, не почувствовал, не *осознал*.

– Может, и ты не почувствуешь, – сказала она. – Но я по крайней мере смогу тебе объяснить.

Какую высокую честь мне оказывали. Мы были знакомы меньше трех месяцев, а Бьянка уже привела меня к тайному месту, которым не делилась больше ни с кем – конечно же, я должна была понять, должна была увидеть, почувствовать и осознать.

А потом она вывела меня к очередной скале посреди горной цепи, изобиловавшей скалами. Я боялась, что я ничем не лучше Грегга.

Ну да, она была красивой – для скалы. И большой в сравнении с окружением; посреди леса не было больше ничего кроме расступившихся перед ней хвойных деревьев. Несколько отчаянных сосен выслали на разведку корни, но получили отпор.

Вокруг нее, у основания, лежали груды камней поменьше, но главная, могучая глыба была раза в четыре выше меня – огромный кусок горной породы, выглядевший совершенно монолитным, без трещин или расколов. Она казалась верхушкой гигантского, уходящего вглубь каменного плавника, обнажившегося из-за эрозии, или его фрагментом, уцелевшим после того, как большую часть разрушило время, или ледники, или...

На самом деле я понятия не имею, о чем говорю. Просто несу фигню. Геология – не мой конек.

Я ощущала спиной робкую надежду Бьянки. «Ты видишь? Ты чувствуешь?» Здесь должно было присутствовать нечто большее, чем просто слипшиеся воедино миллионы лет назад осадочные отложения. Иначе она бы меня так сюда не зазывала.

Я оглядела скалу снизу вверх, потом сверху вниз. Прошлась из стороны в сторону, осмотрела ее кругом. Понадобилось время, но она...

Она...

Открылась мне – иначе я не могу сформулировать. Словно одна из тех 3D-картинок, что поначалу кажутся мешаниной повторяющихся бессмысленных узоров... а потом, перестав напрягаться, ты видишь изображение, которое скрывалось там все это время, спрятанное на самом видном месте. Здесь случилось что-то в этом роде, только бесконечно страннее, потому что это был не намеренный фокус.

Под выветренным камнем, под наростами мха и лишайника, я увидела с одной стороны скалы вмурованный в нее столб – или это лучше назвать колонной? Затем проступили другие детали: архитрав сверху, потом еще одна колонна и еще одна. Стали видны их выступающие основания и вершины. Трудно было сразу понять, что это колонны, потому что они не были ни гладкими, ни бороздчатыми, как в древних храмах или современных судах. Они были волнистыми, то расширявшимися, то сужавшимися. В узких местах они расходились на дольки, словно разломленные плоды, и эти дольки идеально смыкались друг с другом. Колонны походили на случайную причуду природы ровно настолько, чтобы их можно было проглядеть, и были симметричны ровно настолько, чтобы в их форме виделся разумный замысел.

Однако – здесь. В сердце соснового бора на высоте семьдесят пять тысяч футов над уровнем моря, посреди горного хребта. Ну да, конечно. Охотно верю.

– Может, ее обработали, – предположила я. – Вручную? Инструментами?

Но кто? Очевидно, какой-нибудь эксцентричный поселенец конца девятнадцатого века – самое милое дело, чтобы расслабиться после того, как целый день охотишься на дичь, строишь хижины, бегаешь от медведей и борешься с дизентерией.

По глазам Бьянки ясно читалось, что мне стоило бы соображать получше. Типично материнский взгляд.

– Не думаю.

– Почему ты так уверена?

Ну серьезно, она что, действительно считает, что может так убежденно об этом говорить?

– Она сама мне сказала.

– Но не вслух же. Правда ведь?

– Попробуй к ней прикоснуться.

Что ж, со мной случалось и кое-что постраннее. Вечно сухое пятно на моей щеке служило напоминанием о том, что нас в любой момент могут ткнуть лицом во что-то, чего мы не понимаем и никогда не поймем. Поэтому я подошла поближе и обратилась в веру камнепоклонников.

Чем камни больше, тем проще им заявлять о своем огромном возрасте. Они – нагляднейший символ давних времен. Для меня лучшим примером служит цепочка гор, прозванных Флэтайронами. Пять колоссальных кусков песчаника, образовавшихся триста миллионов лет назад и поднятых почти вертикально медленным и сокрушительным столкновением тектонических плит, которое создало Скалистые горы. Они *древние*. Древние, как путешественники во времени из додинозавровых эпох.

А эта скала, на которую я возложила руки? Ее, должно быть, создали те же самые события, те же самые процессы, и в сравнении с прочими она была лишь крошечным камушком.

И все же?..

И все же.

Я пришла, я увидела, я ощутила... *нечто*. И что же я должна была осознать?

Парадоксы, вот что я ощущала. Эта невероятная громадина с колоннами была здесь на своем месте, как головокружительно древний элемент пейзажа. И одновременно нет. Она была частью тех же геологических процессов, воздвигших горный хребет длиной три тысячи миль. И

при этом являлась чем-то большим, исключением из правил, чужачкой, в чьем создании, точно так же как в строительстве церкви, возле которой мы оставили машину, участвовал разум.

Она не просто пережила сотни миллионов лет, перескочив через динозавров, и первых млекопитающих, и нас. Ее корни уходили куда глубже. Если Флэтайроны пересекли озеро времени, эта скала преодолела океаны.

Ощущение было сродни падению, но лишь отчасти. Лишь пока я не достигла границы вечности. Стоит ее пересечь – и ты больше не падаешь. Падению нужна точка отсчета, нужны пролетающие мимо предметы и приближающаяся земля, а для меня все это было уже в прошлом. Время есть функция гравитации (кажется, это Эйнштейн сказал?), а для меня гравитация исчезла, как и любое чувство времени, и все, что я знала, разлетелось во все стороны и в никуда.

За исключением той аномальной *штуковины*, к которой прилипли мои руки.

Существовала сама скала – слои осадочной породы, складывавшиеся песчинка за песчинкой, точно так же, как и в любом другом месте. Но здесь, и только здесь, была еще и форма. А за формой скрывалась идея. А за идеей... что это было, способ мышления?

Иной способ мышления?

Откуда я вообще это знала?

Я снова услышала те же слова, на этот раз пришедшие изнутри меня:

Ты узнаешь их, когда почувствуешь их.

Ты узнаешь их, когда увидишь их.

Ты узнаешь их, когда прикоснешься к ним.

Нет. Я этого не хочу. Правда не хочу.

У меня опять закружилась голова, потому что снова возникла связь, точка отсчета, я возвращалась назад назад назад назад назад, и, может, это скала тащила меня к себе, а может, это я тащила ее, но невозможно было поверить, что я могу растянуться так сильно, так далеко, через такой огромный отрезок времени. Между нами было слишком много пустоты. Но я была точкой, и скала была точкой, и мы были точно запутанные частицы, и воздействовать на одну из нас значило одновременно воздействовать на другую, неважно, как далеко мы находимся друг от друга.

Потом вернулась гравитация, а вместе с ней – время, миллиарды лет, десятки и десятки миллиардов – хотя нет, даже Вселенная не настолько стара.

Ответ был тише шепота, но так очевиден: *эта* Вселенная – да. Но начини выстраивать из них цепочку – и у тебя получится очень интересная система.

Неважно, откуда я это знала. Как я вообще смогла такое *пережить*? Хрупкий человеческий рассудок не способен прикоснуться к подобным вещам, воспринять их, испытать их, ощутить их целиком и продолжать после этого функционировать. Где бы сейчас ни находилось мое тело, оно, должно быть, пускало слюну, если, конечно, давным-давно не сгнило вместе со всеми своими шрамами.

Ответ снова был очевиден: в детстве меня на это настроили. Я уже соприкасалась с этим измерением, и с той поры оно просачивалось в меня, в то время как я изначальная – та, кем я должна была стать, – понемногу отслаивалась и улетучивалась сквозь сухое пятно, которое тоже было своего рода шрамом.

А потом я снова начала падать – недолго, но с достаточной высоты, – и с громким шмяком плюхнулась задницей на землю.

Она меня оттащила. Бьянка меня оттащила.

Она уселась рядом со мной и обнимала меня, пока я пыталась подняться, способная лишь на жалкое барахтанье. И – о боже... я и правда пустила слюну.

– Я боялась, что она отнимет тебя у меня, – сказала Бьянка. – Мне кажется, это может случиться с кем угодно. Не только со мной.

Она баюкала меня так, как мне хотелось при первой нашей встрече, и все, что я видела, глядя на нее, – земную мать с коричневой кожей и мягкими бедрами, которая могла помочь мне снова стать прежней.

– Я ведь говорила, что почти ничего не помню о детстве, и знаю только то, что мне рассказывали?... – спросила она. – Но один день я все-таки запомнила.

Но никакой прежней меня уже не было, так ведь? Оставалось лишь то, чем я была сейчас.

– Мы были на озере, и родители потеряли меня, пока я лежала под водой, на дне, как мне нравилось. Я провела там столько времени, что мне уже не хотелось дышать. Хоть я и была очень маленькой, но понимала, что это важно. Важнее этого не было ничего. Я знала, что если я задержусь здесь еще немного, то никогда больше не выйду на сушу. Я просто заплыву глубже и стану той, кого пыталась вспомнить. Я хотела этого. Но и боялась тоже. Поэтому я всплыла. Когда я вышла на берег, мама удивилась, увидев меня. Она так давно потеряла меня из виду, что решила, будто я ушла в туалет или к палатке с едой. Вот почему я знаю, что не придумала все это. Я и правда провела на дне столько времени.

Я посмотрела на нее, и парадоксы догнали меня. Порой Бьянка выглядела очень юной, будто студентка колледжа, круглолицая и пухлощекая. Так почему же в тот момент она казалась такой невообразимо старой?

Она глядела на коварную скалу с любовью и восторгом.

– Мы с ней одинаковые. Я похожа на нее больше, чем на тебя. Если бы я могла, я забралась бы внутрь, и слилась бы с ней, и осталась бы там навсегда.

Она протянула руку и похлопала по скале; послышались шлепки плоти о камень.

– Кажется, я должна тебя убить. – Я и вправду это сказала – так говоришь всякую чушь, не проснувшись еще до конца.

Бьянка даже не удивилась.

– Я боялась этого. Что *кто-то* захочет это сделать.

– Я не хочу тебя убивать.

– Так не убивай. – Как будто все настолько просто. – Но даже если тебе придется – разве это так плохо?

* * *

Нельзя сказать, что Таннер пришел в себя, скорее он дождался, когда его цепи перестанут дурить. Тот удар топором по челюсти не вырубил его; просто переключил несколько важных тумблеров, выдернул несколько проводов. Даже после того, как он оправился от пинка в живот и снова начал дышать, всему остальному потребовалось время на перезагрузку. В голове у Таннера гудело, перед глазами стоял туман помех, и он не мог понять, что ему делать с конечностями, даже если он сможет как следует их контролировать.

Какое-то время не было ничего, кроме свиста топоров, глухих влажных ударов и вскриков и нескольких последних стонов, после которых не осталось больше ничего человеческого, никакого больше Шона, только чавканье мяса и треск костей.

Когда в глазах перестало троиться, Таннер обнаружил, что не может вытянуть руки перед собой; запястья были притиснуты друг к другу у него за спиной и обмотаны чем-то неподатливым. Он кое-как смог пошевелить пальцами и кончиками их нащупал нечто, похожее на проволочную вешалку. Он понятия не имел, когда это случилось.

С пола казалось, что Аттила упирается головой в потолок; он повернулся и изучающе посмотрел на Таннера – что-то привлекло его внимание, быть может, проясвившийся взгляд. Аттила подошел к нему с топором в руке, шаги его были словно удары молота.

Таннер попытался пошевелиться, но бежать было некуда; он чувствовал себя тараканом, на которого наступили и оставили ползать кругами. Аттила наклонился, просунул топор под

мышку Таннера и поволок его по полу. Господи Иисусе, он не успел очистить лезвие, оно до сих пор было все в крови. Аттила подтащил Таннера к стене, вытащил топор из-под его руки и присел рядом, уложив оружие на колени.

Взглянув на Аттилу, можно было подумать, что покрывавшая его от волос до ботинок кровь должна хотя бы отчасти быть его собственной. Но, судя по всему, это было не так.

– Хочешь сотворить со мной что-нибудь этакое? – спросил он. – Я не против. Это естественное желание. Просто держи его в узде. – Аттила кивнул в сторону Шона. – Мне не обязательно каждый раз устраивать такой бардак. Если нужно будет тебя усмирить, я могу отрубить пальцы ног. – Он провел лезвием топора по волосам Таннера, испачкал щеку кровью и чем-то похуже. – Сделать так, чтобы ты никогда уже не смог нормально ходить. Десять маленьких кусочков – и это только начало. Но не вынуждай меня, и я не стану этого делать. Выбор за тобой, старший братец.

Взгляд Таннера метнулся к влажной куче, лежавшей в десятке футов от него. Шон не был расчленен, ничего такого. Скорее он был изломан, искромсан, искорежен, весь покрыт рваными ранами, его внутренности и кости выглядывали наружу и торчали в стороны, в которые им торчать было не положено. И Таннер не мог понять, почему это произошло.

Аттила знал, о чем он думает.

– Я говорил, что он мне, пожалуй, нравится. Я не говорил, что он мне нужен.

– А я тебе, значит, нужен.

А ведь действительно, Аттила перехватил топор и ударил его рукоятью, хотя проще и быстрее было бы сделать это лезвием.

– Не знаю. Нужен ли ты мне? – Он, похоже, задумался над этим; взгляд его был открытым, забрызганное кровью лицо – грубым и суровым. – Давай выясним.

Аттила похлопал Таннера по плечу и встал. Дойдя до другого конца комнаты, он снова заговорил, на этот раз в телефон; ситуация с каждой секундой становилась все непонятнее.

«Я сделал то, что считал нужным, – разобрал Таннер. – Разве только чуточку перестарался. Это вопрос степени, а не результата».

Он привык к самым худшим проявлениям стихий – к метели и снегу с дождем, к зимним ветрам, к холоду талой весенней воды в горах, – и ни разу в жизни его не пробирав такой мороз.

С кем бы ни разговаривал Аттила, эта беседа могла продлиться две минуты, а могла и все десять. Таннер утратил чувство времени. Он знал только, что в какой-то момент Аттила снова обратил на него внимание. Он принес еще одну проволочную вешалку, которой стянул лодыжки Таннера, зафиксировав ее с помощью пассатижей, после чего оттащил его в глубину комнаты, задрал его ноги вверх и намотал проволоку на ручку кладовки.

Потом Аттила скрылся. Слушая шум душа, Таннер мог только раскачиваться из стороны в сторону. Ручка оказалась надежной, и как бы он ее ни дергал, это приводило только к тому, что проволока врезалась все глубже в ахиллесово сухожилие.

Аттила вернулся в комнату чистым и обнаженным: на коже блестели капли воды, мокрые волосы прилипли к спине, а с плеча свисало полотенце. Широкие плечи, широкая грудь, широкие бедра и член как у коня. Господи. Он до сих пор сжимал в руке топор, такой же чистый, как и сам Аттила, и протирал металл промасленной тряпкой.

Таннеру потребовалось какое-то время, чтобы сообразить: по крайней мере этим вечером его не убьют.

– Я не понимаю, – сказал он. – Ты мог позволить нам уйти отсюда, и ничего бы не изменилось. Я о тебе ни хрена не знаю. А Шон знал и того меньше. Мы бы разошлись, и на этом бы все закончилось. Тебе не нужно было... – Таннер покачал головой.

– Как насчет обмена? – предложил Аттила. – Вопрос за вопрос. Ты поделишься информацией со мной, а я – с тобой.

Больше разговоров значило меньше боли. Пусть даже он не знал, может ли рассказать что-то такое, что представляло бы ценность для Аттилы.

Аттила уселся на пол, заканчивая вытирать топор. Он сидел в трех футах от Таннера и явно не считал его проблемой. И скорее всего был прав.

– Новый парень Дафны. Что случилось у него дома, пока ты там был? Судя по скорой помощи, защитным костюмам и тачкам федералов, что-то серьезное. Ты, видимо, был свидетелем. Так что случилось?

– Откуда ты вообще... – Таннер не знал, каких вопросов от него ожидать, но если бы ему предложили угадать, он бы ошибся. – Ты что, за ней следил?

– Я надеюсь, это не твой вопрос? Потому что, если на секунду задуматься, он сам на себя ответит. – Аттила, похоже, смиловился над ним, хотя бы потому, что это дало ему возможность поглумиться. – На спутниковое наблюдение моего бюджета не хватит, но ты поразишься, что можно установить на самое обычное дерево по соседству.

Таннер закрыл глаза. Мелкие пробелы он заполнит позже. Если у него будет это «позже».

– Вал... он распался на части. Буквально. – Он взглянул на Шона. – Как если бы ты занимался вот этим несколько часов – только секунд за тридцать.

Он знал, как невероятно это звучит.

– Детали. Вот где кроется дьявол. Выкладывай их.

Таннер рассказал о произошедшем так кратко, как смог. О случившейся с Валом перемене, о том, что он двигался, словно человек, забывший, как должно работать его тело. О том, как он набросился на телефоны и запихнул один себе в глотку. Как на протяжении нескольких минут после этого он казался ввалившимся в состояние фуги, а потом развалился на куски.

– И ты видел, как это случилось.

– С такого же расстояния, как сейчас вижу тебя.

– Ты счастливчик. – Аттила казался до странного искренним. – Тебе выпала честь быть этому свидетелем, хоть ты и не знал тогда достаточно, чтобы понять какая.

– Тебя все это, похоже, не удивляет.

– Я слышал о таких вещах. Я знаю, что такое возможно. Но, с другой стороны, а что невозможно?

Аттила бросил на Таннера презрительный взгляд, словно тот был недостойн увидеть то, что видел. Потом закончил вытирать топор и повертел его перед собой, оглядывая щели.

– И больше ты ничего мне не скажешь?

– Значит, *это* твой вопрос?

– Нет. Я просто углубляюсь в детали, как ты и хотел.

Аттила отбросил тряпку, снова поиграл топором, думая, что с ним делать, и мощным ударом, сотрясшим как доски, так и кости, вонзил его в пол.

– Скажем так: боги на самом деле существуют. Но не такие, о которых тебе рассказывали, веришь ты в них или нет. Это слово, «боги», – просто ярлык. Он в общих чертах передает суть, вот и все. Я имею в виду масштаб. Не функции, не роль. Масштаб.

Таннер слушал, и ему казалось, что он проваливается сквозь пол. У него болело все, как снаружи, так и внутри, а между челюстью и затылком пролегла туго натянутая полоска мышц. Не имело значения, сегодня ночью он умрет или завтра днем. Там, снаружи, остались люди, которых он любил, и ему, скорее всего, больше не суждено их увидеть. Никакая молитва, никакое заклинание не изменят того факта, что ему уже ничто не поможет.

– Но что они такое на самом деле?... – продолжал Аттила. – Все, что я могу сказать, не будет неверным. Но оно будет недостаточно верным. Они... разум, способный выйти за пределы тела. Душа без совести. Интеллект, обладающий интуитивным пониманием материи и энергии, способный, словно паук, устроиться на паутине темной энергии и провести следующую

ший миллиард лет, любуясь столкновением двух спиральных галактик, потому что это, черт побери, весело.

Для Таннера, беспомощного, лежащего на спине, не имело значения, правда все это или нет. Значение имела лишь любовь, которую он испытывал к людям, ее заслуживавшим, и то, что она умрет вместе с ним.

– Только представь себе эту мощь. Представь, каково это – вместить хотя бы малую часть ее в сосуд вроде такого. – Аттила потыкал его в плечо. – Этих мясных скафандров едва хватает на сотню лет, да и то не всегда. Но если у тебя есть цель, если тебе нужно что-то сделать побыстрому, а это твой единственный вариант, и если ты знаешь, где найти достаточно слабый скафандр, из которого можно вышвырнуть пилота, ты проникаешь в него и берешь управление на себя, и работаешь с тем, с чем тебе приходится работать. Просто долго он скорее всего не протянет.

Таннер попробовал это представить. Что бы ни овладело Валом, было похоже, что каждая клеточка в его теле перегорела, перестала работать.

– Если ты засунешь пальцы в розетку – тебя немного встряхнет. Если ты ухватишься за кабель на электростанции – поджаришься до хруста. Так, по крайней мере, я это понимаю.

Похоже, здесь ему полагалось засмеяться, но Таннер не мог вспомнить, как это делается. Возможно, это даже была правда. То, о чем говорил Аттила, вполне стыковалось с тем, что видел и слышал сам Таннер. Поэтому у него оставался лишь один аргумент: «это не может быть правдой, потому что не может». Но его не хватало.

Да и какая разница. Какая на хуй разница.

– Думаешь, мне не наплевать? – спросил Таннер. – Это твои дела. Занимайся ими. Для меня важны только семья, друзья, да еще те, у кого выдался неудачный день в горах.

– Почему мы и оказались в этой ситуации. – Аттила поерзал на полу; он был пугающе спокоен, сидя голышом в двадцати футах от трупа. – Вот такая штука, старший братец. Ты ведь не из тех, кто сдается, верно? Это не в твоей натуре. Поэтому я сразу понял: если уж ты пришел сюда в поисках Дафны, то на этом не остановишься. Ты вышел бы отсюда и продолжил искать. Как делал всегда. Ты отыскиваешь Дафну независимо от того, нужно ей, чтобы ее нашли, или нет.

Аттила провел ладонью по рукояти торчавшего в полу между ними топора, как будто она была рычагом, потянув за который он мог изменить мир.

– А ей больше не нужно, чтобы ее искали. У нее есть дела. Ей не нужно, чтобы ты прискакал и спутал все карты.

И снова Таннер услышал в голове слова, въевшиеся в память, пока он пытался разобрать послание, которым нечто на протяжении нескольких лет забрасывало Дафну.

Ты должна их убить.

Ты должна их убить ради нас...

– Тогда почему я до сих пор дышу?

– Скажем так: пока что ты – мой козырь. Знаешь, мы ведь все находимся в бесконечном процессе становления. Большинство людей с каждой секундой становятся чем-то меньшим. А вот Дафна – она становится чем-то большим. Еще не стала, но может стать. Ей просто нужно совершить этот скачок. – Аттила выдернул топор под визг половиц. – И если для того, чтобы заставить ее это сделать, мне придется порубить тебя на кусочки – значит, так мы и поступим.

* * *

Бьянка не должна была принять мои слова так легко, сучка ненормальная. Я выдала самую угрожающую фразу, которую вообще когда-либо кому-либо говорила, и что она сказала мне в ответ? Не «Пошла на хуй, Дафна». Не «Возвращайся-ка домой пешочком и нико-

гда больше ко мне не подходи, Дафна». Не «Какого цвета тебе нравятся охранные ордера, Дафна?». Вот как должны реагировать нормальные люди.

А я услышала всего лишь паршивое «Ну, я бы, конечно, предпочла, чтобы меня не убивали, но если уж этого не избежать, я протестовать не буду, если убийцей станешь ты».

Буквально.

Какая странная отправная точка. Думать об этом, представлять, как это случится, в качестве умственного упражнения. Именно такие большие общие интересы и сближают лучших друзей.

Как мне тебя прикончить, подруженька моя соблазнительная? Тебе больше хочется, чтобы все прошло быстро и безболезненно, или ты предпочтешь, чтобы твоя убийца создала смелое, кровавое творческое высказывание?

Ой, да я как-то об этом серьезно и не думала. Вариантов ведь так много, правда? Например, всегда можно меня застрелить.

Можно... но тебе не кажется, что это слишком просто? И даже отчужденно? В этом нет ничего интимного. Как пультом дистанционного управления воспользоваться. Так я тебя даже с другого конца комнаты убить могу.

И с другого конца игровой площадки тоже. А если ты застрелишь меня на глазах у детишек и обычных, скучных, не земноводных мамаш? Вот это будет настоящее творческое высказывание.

Да, но все равно. Одно движение пальцем – и тебя нет. Это для ленивых.

А как насчет ножей? Они открывают простор для самовыражения, от хирургической точности до дикого, сумасшедшего буйства.

И ты правда не против? Это же, наверное, больно.

Да, больно, но зато гораздо интимнее.

Но ведь для этого нужно быть очень целеустремленной, согласна? Мне обязательно придется довести дело до конца, а я не вполне уверена, что смогу. Не могу пообещать тебе, что не струшу.

О, значит, ты сбежишь в слезах и оставишь меня валяться на земле, и я, может быть, истеку кровью, а может быть и нет? Как эгоистично.

Но ты так красива, и, хоть у тебя и проблемы с головой, мне кажется, что ты хороший человек. И как тебя такую резать?

Может, тогда ты меня чем-нибудь забьешь? Ударь меня правильной штукой в правильное место, и я могу даже не почувствовать, что будет дальше.

Тупым предметом?

Или чем похуже.

Ну... мой бывший парень, Аттила... У него есть боевые топоры. Ага. Настоящие, без дураков, подлинные боевые топоры. Этот вариант прекрасен тем, что даже если я сдюю после двух-трех ударов, раны уже будут очень серьезные...

Звучит круто! Как думаешь, он одолжит тебе какой-нибудь из топоров?

Не представляю себе, что на свете могло бы сделать его счастливее. Он, подозреваю, давно думает о том, чтобы на ком-нибудь их опробовать. Прямо очень много думает. И знаешь что? Я бы не поставила свою жизнь на то, что он уже этого не сделал.

Шутишь.

Хотела бы.

И где кто-то вроде тебя может подцепить парня вроде него? В байкерском баре?

Веришь, нет – в музее. В денверском музее естественных наук. В прошлом году у них была выставка, посвященная средневековым войнам. Он работает там куратором и помогал ее готовить. Иногда, в свободные дни, ему нравилось ходить по выставочным залам и смотреть, как люди ею наслаждаются.

Это довольно мило.

Не совсем. На самом деле он подслушивал, какую фигню несут посетители, и фантазировал о том, каким оружием ему хотелось бы их прикончить. Это помогло ему расслабиться. Конечно, Аттила не в первый день мне об этом рассказал. Он не сразу был со мной настолько искренен. Но к тому времени между нами уже возникла эта...

Связь?

Да. Связь. Только плохая связь. Но осознаешь ты это лишь тогда, когда уже на нее подседа. Сначала появляется взаимное влечение, и ты думаешь: «Я знаю его, или он знает меня... да, вот именно, он видит во мне что-то, чего не видят другие, и воспринимает это всерьез, а значит, и меня воспринимает всерьез». Знаешь, как это соблазнительно?

Боюсь, что да. Но, судя по твоим словам, это похоже на ту искорку, которая впервые привлекла тебя ко мне.

Нет. Не смей так говорить, Бьянка. Может, я просто рассказываю похоже. Но чувство было совсем другим.

Тогда в чем разница?

Разница в том, куда это приводит. С тобой я чувствую, что могу стать кем-то лучшим и что это на самом деле может зависеть от меня. С Аттилой я чувствовала, что должна стать кем-то худшим и что от меня здесь ничего не зависит. И знаешь что... Я до сих пор не могу решить, какой вариант ближе к правде.

Конечно, на самом деле таких разговоров мы с Бьянкой не вели. Если не считать все те случаи, когда мы встречались взглядом – было очевидно, что мы обе ощущаем это невысказанное бремя. Это непонимание, почему мы чувствуем себя игрушками в гигантских холодных руках.

Такие диалоги я вела сама с собой в тихих, подходящих для раздумий местах, где скрывалась от попыток Вала вытащить наружу лучшие стороны моей натуры. Это могло бы показаться позитивным влиянием, вот только он был при этом так солнечно утомителен, так очевидно демонстрировал, что я для него всего лишь реставрационный проект, как для какого-нибудь умельца – сломанный кофейный столик, что ритуальное убийство начинало казаться вполне приемлемым.

Аттила никогда не притворялся, будто хочет меня спасти.

С ним мне с самого начала казалось, что он знает меня лучше, чем я сама. Еще одно «намасте», только вывернутое наизнанку: социопат во мне приветствует потенциальную социопатку в тебе... ей только и нужно, что легкий толчок в нужную сторону. Ей нужно отпустить себя на волю.

Лежа в постели, он предлагал мне якобы гипотетические ситуации. «Если бы тебе казалось, что ты должна кого-нибудь убить, чтобы воплотить свой полный потенциал, ты бы сделала это?»

Такие вот легкие, жизнерадостные вопросы. Как я могла на них ответить? Я ведь была в сарае, помните? Я знаю, каково быть жертвой.

Он смотрел на меня так, словно жалел или жалел бы, если бы был на это способен, и спрашивал, не мешает ли мне какая-нибудь иллюзорная мораль. Ему нравилось напоминать мне, что на поле боя морали не бывает. И уж конечно никакой морали нет в эволюционирующем мире, обитатели которого находятся в вечном процессе становления. Никакой морали нет в вулкане, в астероиде или во взрывающейся звезде. Для нее нет места в отношениях между волками и оленями. Так зачем она нужна сейчас – этот искусственный подсластитель, от которого слипаются шестеренки, который может только помешать становлению... особенно теперь, говорил Аттила, когда переломные точки уже достигнуты, эволюция перевалила через вершину и начинает кубарем катиться обратно в сторону дегенерации.

Такие вот он вел разговоры в постели. Когда я была открытой, и выжатой, и усталой, и взмокшей, и наиболее податливой.

Бывало, что, прижавшись ко мне, Аттила начинал шептать мне что-то на ухо, и его голос был точь-в-точь как голос Уэйда Шейверса. Только на этот раз я отдалась в его лапы добровольно, а он больше не хотел уничтожить меня и этим ограничиться. Теперь он хотел, чтобы я восстала из обломков и сделалась тем, во что меня превратили.

То, что меня не убивает, делает меня опаснее для окружающих.

Они могли бы быть братьями или отцом и сыном, так походили друг на друга их голоса. Неужели не лучше было бы не существовать вовсе? Такой была мечта Аттилы. Его фантазия. Его конечная цель. Именно она, по его мнению, придавала смысл бессмысленности. Лучше не быть – не просто умереть, а никогда не родиться, отменить свое существование, признать Великую Ошибку и найти в себе смелость взять в руки ластик.

Так почему бы не покончить с собой, спрашивала я его. Спрашивала искренне, это был серьезный вопрос, но в ответ Аттила смеялся. Он отвергал его как скоропалительную реакцию, не требующую никаких размышлений, как водянистую отрыжку женщины, которая считала себя остроумной, потому что указала на противоречие.

Это тоже был разговор в постели. Аттила вознес меня ввысь, а теперь обязан был обрушить на землю.

Ненависть – это энергия, говорил он мне. Ярость – это энергия. Презрение, омерзение, неприятие, стремление уничтожить... все это – энергии. А значит, они должны быть направлены куда-то, на что-то, прежде чем расточатся со временем. Куда угодно, только не на себя.

Как они находят меня? Как эти мужчины, посвятившие себя искусству разрушения чужих жизней, находят меня? И что это говорит обо мне?

* * *

Таннеру трудно было поверить, что у Аттилы есть друзья. Скорее уж партнеры по преступлениям. Собратья по волчьей стае – это он мог представить. А вот ребята, с которыми Аттила по воскресеньям смотрел матчи «Бронкос»? Это вряд ли.

Через пару часов после того, как Аттила позвонил по телефону, к нему пришли трое. Они казались сосредоточенными на своей задаче, и их нисколько не пугало то, что он сотворил с Шоном. Команда по вызову, прибывшая, чтобы избавиться от трупа жертвы, – такую ассоциацию Таннер тоже готов был принять.

Двое мужчин и одна женщина, серьезные люди с серьезными лицами, почти на него не смотрели. Таннер, до сих пор привязанный проволокой к ручке кладовки, не заслуживал их внимания, а может даже и презрения. Они окружили Шона со всем почтением дорожной бригады, собравшейся над особенно проблематичным задавленным животным.

Мужик с бритой головой и буйной черной бородой недовольно фыркнул, раздраженный тем, что его сорвали с места в такой поздний час из-за какой-то ерунды.

– И вот перед нами очередной хрестоматийный пример того, как Аттила устраивает чьей-то заднице Средневековье.

– А нельзя было его ударить еще пару раз? – поинтересовался второй мужчина. Он был самым старшим – лет шестьдесят, а то и больше, обвисшие щеки, шапка белоснежных кудрей – и напоминал доброго дедушку. – Я вижу местечко, которое ты пропустил.

Аттила пожал плечами.

– Я увлекся. Ты бы понял, если бы был здесь.

– И очень жаль, что меня здесь не было. Это воскресило бы кое-какие... воспоминания.

– Из-за них будут проблемы? – Женщина была жилистой, угловатой и атлетичной, со стриженными под мальчика гладкими черными волосами. Похоже, ей не терпелось приняться за дело – в отличие от остальных она притопывала ногой. – Их не потеряют?

– Потеряют – да. Проблемы... Уверен, что нет. Они пришли сюда запугивать. Заявились, угрожая моей персоне насилием. – Аттила отвернулся от троицы и бросил взгляд на Таннера. – Что скажешь, Таннер? Ты говорил кому-нибудь, что поедешь сюда? Ваша парочка бойскаутов делилась с кем-нибудь своими интересными планами на вечер?

Таннер стиснул зубы. Единственный человек, который мог сказать, что он здесь, покинул свой дом в нескольких ведрах. Вала больше не было, а убедительную ложь у него с ходу придумать не получалось.

– Я так и думал. Это не соответствует твоему рабочему имиджу, верно? То, что вы сюда завалились, – это была такая маленькая секретная операция, да? О которой лучше никому не говорить. К тому же... если бы ты об этом рассказал, тебе пришлось бы объяснять, *почему* ты это делаешь, а я готов поспорить, что ты всем подряд о ее проблемах и том, как они связаны с тобой, не рассказываешь. – Аттила указал на Шона. – Я бы предположил, что кроме твоей жены об этом знал только он. Давай, скажи, что я не прав.

Таннер молчал. Любые его слова подарили бы Аттиле мрачное удовлетворение. Он мог лишь отказать ему подыгрывать.

– Так я и знал.

За спиной Таннера выкручивались, сражаясь с проволокой, его запястья – очередной приступ тщетности и боли. Ему ни разу в жизни не хотелось никого убить. Даже Уэйда Шейверса. Раньше самым худшим, что он мог себе представить, было оказаться в ситуации, в которой он вынужден будет это сделать. А теперь? Теперь самым худшим, что он мог себе представить, было умереть прежде, чем он попытается.

Аттила подошел и опустился рядом с ним, на него, надавив коленом на грудь, чтобы Таннер не дергался, – как будто сверху обрушился камень. Ничего личного, Аттила просто обшарил его карманы в поисках ключей от машины. Он вернулся к своей команде и бросил их женщине.

– Тебе выпала честь убрать тачку с улицы. Думаю... – Аттила обернулся к Таннеру и ухмыльнулся, – ...это грузовик с парой латунных яиц, болтающихся на фаркопе.

Потом они принялись за работу; мужчины переоделись в дешевые, одноразовые комбинезоны и раскатали мешок для тела, окрашенный в синий цвет Агентства по урегулированию чрезвычайных ситуаций. Смотреть на то, что было дальше, Таннер не смог, ему пришлось отвернуться и по мере возможности закрыть свой слух для стуков и грохотов. Лишь почуяв какой-то резкий запах, он понял, что они взялись отмывать кровь.

Им уже приходилось таким заниматься. Они действовали не как любители.

– Пятна все равно останутся, – сказал бородач. – Придется тебе обработать доски шлифмашинкой. Для надежности.

Аттила недовольно фыркнул.

– Лучше я просто перестану приглашать гостей.

Таннер рискнул повернуться и увидел, как они бросают тряпки на тело Шона. Когда троица сняла комбинезоны, те тоже отправились в мешок; на этом все и закончилось – Шона больше не было, он сделался всего лишь готовым к утилизации мусором.

Двое новоприбывших подхватили мешок за ручки. Вместо того чтобы спуститься по лестнице на улицу, они направились в другой конец комнаты и прошли через узкую арочную дверь в углу; судя по тому, как долго они отсутствовали, там находился еще один выход.

Когда Аттила снова подошел к Таннеру, в руках у него была деревянная палка длиной с ручку от швабры, но толще; один конец ее был обернут матовой черной лентой вроде той, которой обматывают хоккейные клюшки.

– Как у тебя с кровообращением? – спросил Аттила. – Пальцы на руках чувствуешь? А на ногах?

– Чувствую. В основном.

– В основном чувствуешь – значит, можешь ходить. Тебе тут, я вижу, удобно, но оставаться ты здесь не можешь. Пол моей квартиры – не долгосрочное решение. – Он похлопал деревяшкой по ладони, напоминая копа с дубинкой. – Только давай без глупостей. Если ты можешь ходить – значит, можешь попытаться удрать. Или пнуть меня. Видишь, к чему я клоню?

– Тогда почему бы вам и меня отсюда не вынести?

– Ты этого не заслужил. При всех его недостатках, твой приятель погиб, сражаясь. Пока ты не сделаешь того же, будешь ходить на своих двоих.

Аттила снял проволоку с ручки, сбросил ноги Таннера на пол, придавил коленями его голени и освободил лодыжки. После чего отошел в сторону, выпрямляя проволоку, чтобы можно было пропихнуть ее в дырку, просверленную в незамотанном конце палки.

– Знаешь, за сегодня ты был вторым, кто сказал мне, что у Дафны есть дела и я должен оставить ее в покое.

Заинтригованный, Аттила оторвался от сгибания и наматывания проволоки:

– Видишь? Тебе не обязательно верить мне на слово. И кто же был первым?

– Тот парень в каньоне, которого мы потеряли. Скалолаз.

Лицо Аттилы исказилось гневом.

– Прыгуна, которому ты позволил прыгнуть, ты имеешь в виду. Говори как есть, старший братец. Что я тебе говорил об пустых словах? – Потом Аттила сменил гнев на милость – ближе к проявлению сочувствия он подойти был не способен. – Для тебя это, наверное, была бы охуеть какая неожиданность даже и не в двухстах шестидесяти футах над землей.

– Но почему он? – взорвался Таннер. – Этот несчастный парень – почему оно воспользовалось именно им?

Аттила недоумевающе посмотрел на него.

– Не понимаю.

– Почему не Шоном? С его помощью оно могло бы добиться гораздо большего, а я бы ничего не заподозрил. Перерезать мою веревку... или столкнуть меня с обрыва, пока я не успел на ней закрепиться... и проблема решена. Или почему бы вообще не отказаться от посредников и не поджарить меня изнутри?

– У вашего скалолаза была пара дней на то, чтобы раскиснуть, так что... путь наименьшего сопротивления? Я же тебе объяснял, слово «боги» только передает суть. Я ничего не говорил о всемогуществе. – Аттила добавил еще несколько витков к проволоке в том месте, где она обматывала ручку. – Поэтому слабость – их друг. А ты и твой чудо-мальчик, судя по всему, из тех неприятных ребят, чьи характер и физиология делают этот вариант невозможным. Впрочем, не бери в голову... кто знает, что может случиться, если *тебя* немножко помазывать. – Он подмигнул, а потом соорудил из остатка проволоки петлю. – Дафна – тоже крепкий орешек. Я начинаю серьезно ненавидеть ваших родителей.

– Чего ты хочешь от Дафны? Что ты с ней сделал?

– Я ничего с ней не делал. Я ее разглядел. – Аттила набросил петлю на шею Таннера. Ошейник. Он делал ошейник. – Тебе нравятся трюфели?

– Откуда мне знать? – Аттила начал поворачивать ручку, затягивая петлю, и Таннер напряг шейные мышцы. – Я эту хрень никогда не пробовал.

– И как это я не догадался. – Аттила потянул за ручку и, похоже, остался доволен. – Трюфели отыскать нелегко. Они могут расти на глубине двух-трех футов под землей. Поэтому нужна свинья, которая может их учуять.

Аттила отошел назад и снова потянул за ручку и ошейник.

– Подъем.

Руки Таннера все еще были связаны за спиной, и ему пришлось перекатиться и встать на колени, прежде чем подняться на ноги. Что еще более унижительно, Аттила правил им сзади, подталкивая к двери в дальнем углу.

– Охота на трюфели. Подготовка к ней – процесс двухступенчатый, – сказал Аттила. – Сначала ты заводишь свинью. Потом ты ее дрессируешь. У свиньи может быть врожденный талант, хороший нюх, но ее все равно нужно дрессировать. А Дафна?.. Она очень талантливая свинка.

За дверью оказался короткий коридор, залитый мерзким желтушным светом сорокаваттной лампочки. Миновав следующую дверь, уже отпертую и распахнутую, они вышли на выложенную плиткой площадку и спустились по лестнице.

– У меня и самого есть к этому небольшая способность. Я думаю, она возникла после того, как я попал в аварию на школьном автобусе. Дело кончилось пожаром.

Под таким углом – Аттила был сзади, на четыре ступеньки выше – ошейник казался удавкой. Таннер делал каждый шаг осторожно; он не для того так далеко зашел, чтобы сломать себе шею или повредить гортань.

– А у Дафны, думаю, талант проявился в тот день, когда ее... ну, мне, наверное, не обязательно заканчивать? Было бы жестоко продолжать тыкать тебя носом в тот случай, а я человек не жестокий.

Они миновали уже два лестничных пролета и оставили позади первый этаж. Его вели в подвал.

– И на что же вы, по-вашему, охотитесь?

– Всего лишь на высшую форму гриба. Только учти, лакомые кусочки и редкие деликатесы – понятия относительные. Все зависит от размеров. Опять-таки дело в масштабе.

В подвале царил такой же полумрак, как и наверху, а места было еще меньше. Они подошли к шлакоблочной стене; даже в таком тусклом свете старой она не выглядела. Дом стоял на этом месте десятилетиями, однако стену, похоже, построили несколько лет назад – она была чистой и гладкой, выкрашенной в индустриальный красный цвет. А стальная дверь посередине, снабженная кодовым замком? Определенно недавнее добавление.

Аттила открыл эту дверь и провел Таннера внутрь.

– Давай назовем их божьими трюфелями.

Первым делом он почувствовал холод.

А потом увидел клетки – шесть клеток, и лишь четыре из них были пустыми.

* * *

Друг от друга у нас с Бьянкой секреты тоже имелись.

Когда кто-нибудь показывает тебе нечто вроде той скалы в горном лесу за Часовней на камне, это нечто начинает принадлежать вам обоим. Оно становится «нашим местом», и отправиться туда в одиночку – маленькое предательство.

Я все равно это сделала. Я подумала, что Бьянка даже сможет меня понять. В конце концов, с Греггом она туда больше не возвращалась.

До конца лета я ездила к скале в среднем раз в неделю – такие мини-отпуска. На высоте в несколько тысяч футов обычно было прохладнее – спасение от сухой жары внизу. Дожди шли редко, однако лето все равно выдалось самым облачным на моей памяти, как будто Земля пыталась спрятаться... и кто стал бы винить наш бедный каменный шарик? То было время великих тревог после исчезновения Европы и Альфы Центавра... хотя, если сама планета и боялась, ее обитатели просто пожалели плечами. Солнца и луны – что-то вроде геноцида в Африке, явления столь далекие, что их едва замечают, каким бы чудовищным ни было случившееся.

Что до меня – я обзавелась персональной скалой, с которой могла пообщаться; она всегда ждала меня там, в разреженном воздухе, и нам двоим пел серенады хриплый шепот ветра в соснах. Эта скала, как я начинала подозревать, *помнила*, как была стеной, столбами, колоннами, архитравом.

Теперь я знала, что это за камень: конгломерат, который некоторые считают разновидностью песчаника, хотя на самом деле это не так. Песок в нем иногда присутствует, но кроме него там есть еще и мелкие камушки, и гранулы известняка, и кварц, и другие минералы – осадки трехсотмиллионнолетней давности, перемешанные и склеенные глубоким временем.

Но как он может что-то помнить?

Особенно такое давнее. В те времена не было никаких каменщиков. Никто не высекал колонны и не воздвигал столбы. Тогда даже динозавров еще не было. Только болота и вулканы, и мелкие теплые моря, и суша, которая из космоса выглядела совершенно не так, как сейчас. Мои Скалистые горы? Они были сном о еще не воплотившемся будущем. Это был мир без людей, идеальный и чистый. И все же...

Он обладал воспоминаниями. Упрямыми залежами памяти.

Как я это поняла? Не знаю. Наверное, это было скорее не понимание, а чутье, игра ума вроде той, когда Эйнштейн вообразил, как верхом на луче света подлетает к часам и видит, что время идет в обратную сторону. Но он-то знал, как развить свою мысль, а вот я понятия не имела.

А если уж я понятия не имела, то вышедший из леса медведь – тем более.

Медведи тихо не ходят, но он все равно оказался на поляне раньше, чем я его заметила. Черный медведь, не такой охрентельно жуткий, как, скажем, йеллоустонский гризли, но все равно пугающий. Если бы он стоял на задних лапах, а не на всех четырех, то мог бы оказаться одного роста с Аттилой.

Меня всегда предупреждали, что от медведей нельзя убегать, поэтому я замерла, и вскоре испуг сменился любопытством и даже восторгом. Главное, что я знала о черных медведях, – они не хотят иметь никаких дел с нами, едва покрытыми шерстью двуногими. Есть восьмидесятилетние старики, которые всю жизнь гуляли по этим горам и ни разу ни одного не встретили.

И тем не менее, пока я сидела, окаменев, на трухлявом стволе упавшего дерева, этот медведь прокослапил мимо, словно я была всего лишь незначительным новшеством, заслуживавшим только того, чтобы взглянуть на меня, понюхать воздух и чуть раздраженно фыркнуть. Может, это было и его место тоже. Переключив внимание обратно на скалу, он принялся пыхтеть и сопеть. Он смотрел на нее, прохаживался на похожих на когтистые бейсбольные перчатки лапах и снова смотрел, и, о боже, Бьянка возненавидела бы меня навечно за то, что я это видела, а она – нет.

Отойдя футов на десять, медведь тяжело плюхнулся на задницу. Он уставился на скалу печальными карими глазами; я чувствовала его шерстяной лесной запах. Время от времени медведь постанывал, и, хотя я знала, что неправильно приписывать ему человеческое поведение, он все равно казался мне озадаченным. Как будто, несмотря на то что он не имел ни малейшего представления о колоннах и архитравах, эта скала тоже была для него загадкой, и медведь возвращался к ней снова и снова, чтобы сидеть рядом и гадать, как ему доскрестись до ответа.

Дважды он взглянул в мою сторону. *Ты тоже, да? Ну мы с тобой и парочка.* Он скулил – звук, больше подходящий озадаченной собаке, не понимающей, куда подевался мячик.

Когда упала птица, медведь был точно так же озадачен, как и я.

Птица тоже была большой и черной – то ли ворона, то ли ворон; она косой рассекала небо, прежде чем нырнуть в прогал между вершинами сосен, сложить крылья и без колебаний рухнуть на вершину скалы. Она упала с мягким шлепком, подняв облако перьев, отскочила и, обмякнув, свалилась на землю.

И эта птица была лишь первой.

Они собирались в небе над нами, слетаясь со всех концов света, и даже с земли мне было видно, что все они разные. «Одного полета птицы любят стаями водиться»? Что ж, мама, вот и еще одно из твоих высказываний, оказавшееся совершенной неправдой – как и то, что никакие чудовища меня никогда не поймают. Большие и маленькие, черные вброны и белые чайки. Когда они посыпались из туч, я разглядела кардиналов и голубых соек, чьего-то ярко-зеленого попугайчика, крошечных бурых крапивников и толстых куропаток, красноголовых грифов-индеек и еще множество тех, чьих названий я не знала, – настоящие Объединенные Нации птиц, желающих одного.

Самоуничтожения.

Птицы обрушились, как обрушивается град – сначала несколько, и каждый удар был отдельным событием, потом звуки начали накладываться друг на друга, все ускоряясь, и наконец слились в непрерывный поток шлепков мяса о камень. Разбитые тела рикошетили и, вращаясь, падали на землю или прилипали к покрывшей скалу смеси крови и дерьма, а следом за ними медленно опускался разноцветный снегопад из перьев.

Погибло, должно быть, пятьдесят птиц, прежде чем я опомнилась от шока и соскочила с бревна, чтобы убраться из зоны поражения брызгами под прикрытие деревьев. И сделала это как раз вовремя – за несколько секунд до того, как лопнул, оросив землю кровью, гусь. Даже медведь испугался, и ему хватило ума смотаться раньше меня – он перекатился на четыре лапы и неуклюжим галопом умчался в сосны.

Я вспомнила о Бьянке, о ее признании: «Мы с ней одинаковые, – с любовью сказала она о скале. – Если бы я могла, я забралась бы внутрь, и слилась бы с ней, и осталась бы там навсегда».

Тогда я порадовалась, что у нее хватило здравого смысла не пытаться этого сделать, потому что скала побеждает плоть точно так же, как камень – ножницы. Но теперь? Теперь возможным казалось все. У хаоса нет границ.

Мясной ливень прекратился, как прекращаются всякие ливни, живых птиц не осталось, и в лес вернулась ужасающая тишина, а в воздухе кружили последние перья, которым было все равно, на чье тело опускаться.

Как можно остаться в месте, где случилось что-то подобное?

Как можно его покинуть?

Прежде, чем я на что-то решилась, вернулся медведь и стал обнюхивать груды клювов, и лап, и изломанных тел. Потом он повернулся боком к основанию скалы и, фыркая от натуги – или от облегчения, – принялся тереться об нее, словно никак не мог добраться до того места, где у него чешется.

* * *

Человеку всегда есть куда пасть. Всегда есть новое дно, на которое можно опуститься. Убийство, оковы, плен, полная чувства вины и сведшаяся к острию топора жизнь – зачем останавливаться на этом? Давай, продолжай падать. Даже в темнице ты можешь оказаться отверженным.

– Не разговаривай с ним! Ничего ему не рассказывай!

Вот что сказала обитательница одной клетки обитателю другой. Коротко стриженная и коренастая, с видневшимися на запястьях тату-рукавами, она сразу же увидела в Таннере врага и, стоило Аттиле закрыть дверь и оставить их троих в заключении, немедленно вскочила и ухватила за прутья.

Другой пленник выглядел озадаченным – он был азиатом, молоденьким и худеньким, с такими мягкими чертами лица, что Таннер не мог понять, женщина это или очень юный мужчина, пока не услышал его голос и не понял, что это мальчик, тихоня-подросток.

– Это может быть трюк. Это может быть способ выяснить что-то о других. – В голосе женщины слышались злость и гнев. И желание защитить мальчика. Таннер уловил его сразу. – Он – один из них, просто мы его еще не видели. Так что не рассказывай ему *ничего*.

– О. – Паренек посмотрел на сидевшего на другой стороне комнаты Таннера сквозь два ряда прутьев. Потом с подавленным видом отвернулся к стене и скорчился в позе эмбриона в свитом из спального мешка гнезде.

Таннер умоляюще посмотрел на женщину. Она не притворялась.

– Я не...

– Не утруждай себя. И слышать ничего не хочу. «Я не...» значит «я не существую».

Она тоже повернулась к нему спиной. Если бы они сидели в одной клетке, она бы, наверное, дождалась, пока он задремлет, и убила бы его во сне.

Таннер мерил клетку шагами. Шесть на девять футов. Как и другим двум заключенным, ему предоставили спальный мешок, пластиковую канистру с водой и накрытое крышкой ведро с рулоном туалетной бумаги. Теперь это был его мир.

В тюрьме хватало места для шести клеток и прохода между ними – три клетки с одной стороны, три с другой, и все прикручены к шлакоблокам, чтобы не опрокидывались. Аттила запер его в правом ряду, в средней клетке, а тех двоих – в левом, по краям. Противоположности, отрезанные друг от друга, – похоже, это было сделано с умыслом. Во всем, что делал Аттила, ощущался умысел... даже в здешнем свете, слабом, зеленоватом и унылом, лившемся из голых флуоресцентных трубок, моргавших в белых корпусах, которые были подвешены к потолку на цепях. Под этим светом Таннер, должно быть, выглядел жутко. Как и остальные.

Он расхаживал по клетке. Это помогало ему согреться, пока он еще не готов был сдаться и залезть в спальник. В тюрьме оказалось холодно, как в мясохранилище. Такой температуры не должно быть в подвале или пещере. Отчего-то она была градусов на десять ниже, чем следовало.

Быть может, это как-то связано с люком в конце помещения? Он был единственной деталью, для которой не находилось очевидного объяснения. Эта голая, прямоугольная комната служила удобной тюрьмой, сооруженной посреди большого подвала. Вход один... а выходов два? Этот люк, устроенный в дальней стене, напротив входной двери, располагался ровно посередине – почти квадратный, из ржавого железа, усеянный заклепками, он открывался с помощью штурвала. Такой смотрелся бы уместно на подводной лодке или на стенке доменной печи. Если уж строители не поленились возвести вокруг него стену, он должен был служить какой-то цели... вот только Таннер не мог догадаться, какой именно. Из клетки казалось, что люк должен просто вести в другой конец подвала, но Таннер не понимал, зачем это нужно.

– Этот железный люк, – сказал он. – Куда он ведет?

Те двое могли только игнорировать Таннера.

– Он при вас когда-нибудь открывался?

Поэтому они его игнорировали.

Таннер сбросил синюю фланелевую рубашку и остался в футболке. Он нуждался в движении. Он нуждался в движении *немедленно*. Чем больше он двигался, тем меньше ему нужно было думать, и простая ходьба из стороны в сторону тут не годилась. Но он мог отжиматься. Он мог делать берпи и приседания. Он мог повиснуть на верхних прутьях клетки и делать половинчатые подтягивания. От каждого повторения в свежие синяки как будто впивались когти, и Таннер жаждал этой боли, не заботясь о том, наказанием она служит или мотивацией. Он истязал себя, пока не начало сводить мышцы, а потом прислонился к прутьям; в подвальном холоде его тело исходило паром.

Таннер смотрел, как он поднимается ввысь.

Таннер смотрел, как он меняет направление и уплывает в сторону.

Здесь неоткуда было взяться сквознякам. Никаких щелей в двери, никаких просветов между блоками. И все же, прежде чем развеяться, клубы пара тянулись к железному люку. Как дым в сарае Уэйда Шейверса, поглощавшийся какой-то эфемерной точкой в глубине печи.

Таннер видел в этом все причины беспокоиться.

Спустя еще час дверь открылась, и все проснулись. Пришел не Аттила, а старик, и в руках у него был пакет с фастфудом. Он просунул пакет между прутьями клетки – это была самая теплая вещь, к которой Таннер прикоснулся за минувшую ночь.

– Еще не время для кормежки, но твой гостеприимный хозяин подумал, что ты, должно быть, уже давненько ел в последний раз. Он не хочет, чтобы ты голодал.

Пара чизбургеров и большая порция картошки. По-видимому, о здоровом питании гостеприимный хозяин беспокоиться тоже не хотел, но Таннер был рад, что их принесли. Ими можно было заполнить пустоту.

Седовласый мужчина задержался, чтобы посмотреть, как он ест; его морщинистые губы искажала полуулыбка-полуусмешка.

– Там, наверно, я видел, как ты, лежа на полу, обращал ко мне взгляд. Я намеренно так формулирую. Обращал *ко мне*, а не на меня. Ты ведь понимаешь разницу?

Булочка оказалась размокшей, сыр – резиновым. Таннеру было плевать. Он от одного только запаха переключился в режим волка.

– Не уверен.

– Да, ты точно понимаешь, о чем я. – Старик устремил взгляд куда-то вдаль, склонил голову набок и подпустил в голос издевательской надежды: – «Ой, посмотри-ка на него. Он кажется таким добрым. Если я достаточно его поумоляю, он точно вразумит этих дикарей».

Когда он повернулся, чтобы снова заглянуть между прутьев, намек на усмешку исчез; его брови поднялись, смягчившееся лицо озарила безмятежная улыбка, очаровательная, как у старого херувима.

– Мне есть за что вознести благодарность, – сказал он. – И прежде всего – за эту восхитительную маскировку.

Его пристальное внимание начинало действовать Таннеру на нервы и мешало наслаждаться тем, как обжигает язык соленая картошка. Он покосился на другие клетки. Женщина и мальчик забились к дальним стенкам, старательно не глядя в их сторону, как будто это могло сделать их невидимыми.

– Ты слишком большого о себе мнения, – ответил Таннер. – Я с самого начала видел четырех психопатов, просто один был седой.

Ласковая улыбка старика сделалась приторной от поддельного сочувствия.

– И вот наш заключенный уже переписывает и переставляет местами кусочки своих воспоминаний. Так легче, не правда ли? Какой самообман лучше работает в данный момент – за тот ты и хватаешься.

Таннер сорвал обертку со второго бургера и проглотил уже два куска, когда его зубы вонзились в хрящ. И это был не отдельный кусок, а целый слой. Он вытащил бургер изо рта, приподнял верхнюю булочку – и комната перевернулась вверх дном, так что ему пришлось закрыть глаза до тех пор, пока она не вернулась в прежнее положение. Это было ухо, только и всего. Он мог это пережить. Незачем выблевывать съеденное, незачем швыряться едой. Это просто ухо. Шону уже не больно. Ухо ничего не значит.

Таннер отлепил его от котлеты, вымыл водой из канистры и положил на обертку от бургера. Со всей возможной почтительностью завернул в бумагу и убрал в карман рубашки.

– По крайней мере, эту его часть похоронят как следует.

Он бросил булочку обратно на бургер и заставил себя доесть его. Неизвестно, когда ему доведется поесть в следующий раз, и доведется ли вообще.

По ту сторону клетки улыбка покинула лицо седовласого старика, оставив после себя морщинистую злобную горгулью.

– А ведь из тебя могло что-то получиться. Но вместо этого я вижу человека, растратившего жизнь самым худшим образом, из самых худших побуждений. Человека, убедившего себя, что он видит ценность в жизнях дураков, которых стоило бы оставить подыхать там, куда они забрались. – Старик отступил к двери. – Ты нарушил естественный ход вещей. Все эти люди, которым ты помог сохранить их никчемные жизни... что ты мог в них разглядеть достойного спасения?

Таннер отмахнулся от него:

– Наверное, тебе стоит потратить остаток ночи на то, чтобы спросить себя, почему тебе так важно выглядеть проникшим в тайны мироздания. Неужели это все, что у тебя осталось?

Старик снова приблизился к нему, прижал морщинистое лицо к прутьям клетки и прошипел сквозь стиснутые зубы:

– Быть может, прежде чем для тебя все кончится, мы успеем обсудить мое проникновение в тайны твоего костного мозга.

Когда он ушел, комната вновь погрузилась в стазис – холодный и тихий, залитый гангренозным светом.

– Меня зовут Зянг. – Мальчик вернулся к двери своей клетки. – А ее – Франческа.

Она подскочила и врезала ладонью по прутьям.

– Черт возьми, я тебе что сказала? Ничего ему не...

– Он не один из них, Франни. Это был не спектакль, чтобы нас обмануть. Ты бы тоже это поняла, если бы сама себя не убедила. Ты просто слишком давно здесь сидишь.

– Кстати, а *насколько* давно вы здесь сидите?

– Я – около трех недель. – Зянг кивнул в сторону Франчески: – Она – немножко дольше. А этого старика вроде бы зовут Дезмонд. Они при нас друг друга обычно не обсуждают, но иногда проговариваются.

– Но чего они от вас хотят?

Этот вопрос снова привлек к нему внимание Франчески, и оно не было доброжелательным. Таннер обнаружил, что поражен тем, что, хоть она и провела в подвале уже месяц, ее волосы до сих пор способны были подняться дыбом. Быть может, их поддерживала злоба.

– А почему ты так спрашиваешь? Как будто точно знаешь, чего они хотят от *тебя*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.